

Дэннис Котовали

Каждый день

Прежде чем сделать, подумай один раз,
а то и два, а то и три, а после -
передумай...

16+

Дэннис Котовали

Каждый день

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Котовали Д.

Каждый день / Д. Котовали — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Каждого человека частенько раздражает окружающая его рутина. И всегда хочется вырваться из нее и отправится на встречу чему-то новому, правда? Школьная звезда Дэвид Хейли, музыкант и уроженец маленького города на Юге США стал заложником своей рутины и выбраться из нее не может. Дэвид - призрак из далекого прошлого и его единственным другом является неуверенный в себе Глен, непонятно почему обладающий способностью его видеть. И помимо своего заточения в собственной школе, Дэвиду приходится помогать своему другу обрести хоть какую-то уверенность...

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Глава I. Звездный парень	9
Глава II. Пустота	24
Глава III. Неожиданный друг	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

От автора

Некоторых уважают и награждают за таланты и удачные стечения обстоятельств в их жизни, в то время как других презирают за отсутствие таланта и за неудачные стечения обстоятельств. Но я говорю вам, что за подобное нельзя ни презирать, ни уважать и награждать, потому что за всё это люди не отвечают.

Енох, еврейский пророк

Я должен чувствовать себя хорошо и быть в гармонии с самим собой перед тем, как заниматься творчеством.

Рой Орбисон, американский певец

Предисловие

Огромная благодарность моему вечному вдохновению, моим хорошим друзьям, лучшему другу Макару Малинину, чьи фразы дважды здесь проскальзывают. Посвящается большой любви к праздникам, в особенности к Новому году и Рождеству и моментам человеческой жизни, когда безысходность кажется вечной. А также, посвящается всем, кто любит подумать о суициде и страдающим от неразделенной любви; надеюсь, здесь вы найдете аргумент против своих мыслей и мотивацию сделать первый шаг, удачи вам и вбейте себе в голову – мир вас ждет!

Когда великий Адоэль¹ выполняя приказ, великого архитектора вселенной зажгёт искру, которая, впоследствии разожгла огонь великого творения, многие представить себе не могли, какими станут поступки людей, и как сильно они будут зависеть не от сердца, а от эмоций. Каким разрушительным, но в то же время прекрасным может быть характер человека, упрямство и артистизм, доброта и эгоизм, интересные бывают сочетания. Мне думается, что вряд ли, при создании на божественном конвейере так и было задумано...

Нередко, а вернее, постоянно, кто то слышит слово судьба. А дальше больше, "это судьба", "все идет по судьбе", "такова судьба". Противники этого фатализма говорят, что судьбу творим мы сами, и никто, никакая сила не заставляет нас идти по тому или иному пути. Именно из-за этого, свою точку зрения я привожу не буду, потому что... а зачем? И те и другие правы! Судьба – это то эфемерное понятие, которым нам удобно покрываться, когда нам плохо, одиноко и грустно. А отвергать его удобно, когда вы всего добились и не нуждаетесь в чудесах. Но в жизни, работает и судьба и мы сами, за сим, я повторюсь, не буду говорить кто прав, а кто нет. Но в защиту судьбы скажу, у нее, возможно уже есть план, а мы его редакторы. Человек – это не автор своей судьбы, не режиссёр, он ее сценарист. И в одном я уверен, ненужных людей просто нет, у каждого есть своя роль, свой посыл и свой путь.

Вот вам простой пример: самолет. Простой, но в то же время сложный транспорт. Представим, что самолет это одна большая ячейка общества. Если вам не нравится это определение, то назовем "жизнь". Подобно самолету, в жизни есть детали – люди, у каждого своя функция, но стоит ей сломаться или исчезнуть, этот большой механизм станет опасным для полетов. Вот так все просто, ищите себя, даже когда не хочется. Если вы чего-то не получили, полюбили не ту девушку, скажи себе – а может, меня ждет лучшее? Много денег, но не хочешь их тратить на подарочную книгу, спроси себя – а деньги можно также рассматривать, читать, погружаясь в сюжет и героев, как книгу? Ответ для вас будет очевиднее, чем он есть на самом деле. Ведь все же так просто.

Старайтесь окружать себя мелочами, которые радуют, повышают интерес, да и просто, которые вам красивыми кажутся. Изменить жизнь человека может все что угодно, но главное ваше перо, ваши усилия. Ведь вы не слепы, у вас есть все конечности, и вы в здравом рассудке, даже эти люди иногда так интересно живут, а вы только и можете рассуждать о чем-то темном и мрачном. Банально звучит: просто встаньте и посмотрите в окно, на звезды или на голубое небо. И верьте мне – у вас тоже есть билет на рейс радости и счастья, не опоздайте на свой самолет. А смерть, вот уж об этом вам думать не нужно, что думай, что не думай, она есть. Используйте как кредо – умереть вы всегда успеете, а вот жить можете не успеть. Да и кто сказал, что там легче?

Пролог

---

¹ Ангел, который управлял взрывом, благодаря которому появилась Вселенная (Ангел Большого взрыва), согласно книге Еноха.

– Вот черт! – с первыми лучами солнца в моих открывающихся глазах, я заметил, что ударился о свою же гитару, точнее, об ее гриф. – Какого... мать... тв... А–а–а... Что за напасть, главное переодеться вчера вечером не забыл, а убрать гитару, как только глаза стали закрываться и требовать сна, забыл... Черт побери, теперь точно будет шишка... – я спал со своей гитарой, поскольку, как уже понял, допоздна играл и с ней же уснул.

По многочисленным следам на постельном белье становится ясно, что то положение, в котором я проснулся, не было исходным, я как морская звезда прополз всю кровать, пока не уложился в искомое состояние.

Сквозь толстые деревянные стены моей комнаты, до меня добрался голос мамы – Дейв, вставай!

– Очень вовремя... – пробормотал я. – Иду! Ай... т... блин... ух... больно! Чертов ремень, всю ногу мне... ой... все затекло, пошевелиться не могу! Дьявол!

Ремень от моего Gibson слегка обвился вокруг моей ноги, так, чтобы не превратиться в жгут и не затянуться на ней, а лишь затем, чтобы придать ей огромный след из нескольких букв и неприятное чувство скованности. Ремешок был именным, сам вышел на нем свое имя, чтобы походить на настоящего музыканта, многие так делают.

– Нога! Нога! Ах! Ах! Ах! Дьявол...!!! Черт, я случайно песню не забыл? А где... где мои ноты!? Ой... я же у Гордона их оставил, что за ерунда с головой... И с ногой тоже! Эх, надо было листы с песней у себя оставить, а то мало ли что... но нет... Все должно быть нормально. – с утра, не с того не с сего захватило волнение, что сегодняшнее мероприятие пройдет отвратительно, вдруг что-то произойдет? А что если я все забуду и буду петь не то!?

– Дэвид! – голос мамы стал громче.

– Иду! Иду! – крикнул в ответ я. – Только вот верну своей ноге прежние функции, связанные с хождением! Черт! Я что... говорю сам с собой? Н–е–е–т... Это пустой разговор, надо завязывать!

Чтобы привести в чувство на затекшую часть тела, вернее, на ногу, придется использовать самую радикальную меру – резко па ступить на нее, словно ничего не было и идти.

– Ой... черт! А! У! Б... жжжж... – весь алфавит перепробовал, пока спустился вниз.

Около стола меня ждала мама с ее эффектной улыбкой, будто она радуется этому дню больше, чем любой другой житель нашего огромного штата. За столом, напротив, от меня, сидит отец и по обыкновению, читает газету, пока что без комментариев на тему политики или еще чего-нибудь.

– Что, опять спал со своей гитарой? – не отрываясь от чтения спрашивает меня отец.

Я стал бегать глазами вокруг, в поисках ответа, как он в очередной раз это узнал.

– У тебя опечаток на лице. – через секунду указывает свертком газеты мне папа.

– Милый, так же нельзя, не порти себе лицо, а то будешь ходить со шрамом, словно тебе гитарой врезали... – с привычным для мамы заботливым тоном, сказала она.

– Я и так в порядке. Все отлично! Просто... забыл гитару. У меня сегодня важное мероприятие... – не скрывая восторга, говорил я.

– Так и насколько важное? – спрашивает мама.

– Да, мне тоже интересно... – продолжая не смотреть на меня, говорит папа.

– У меня такое ощущение, что сегодняшний день изменит мою жизнь навсегда! – широко улыбаясь, скандировал я.

– Очень надеюсь... – тихо пробурчал отец.

– А что за мероприятие, все-таки? – спрашивает мама.

– Мы с группой выступаем на Рождественском концерте, нас попросила сама миссис Пул! Лично! – гордо рассказываю я, прокручивая в голове добавочную мысль. – Только вот, отнюдь не на гитаре было предложено мне играть...

Поедая свою еду и преисполненный уверенностью в том, что сегодня все пройдет как по маслу горячим ножом, я, улыбаясь, думал, как сегодня меня будут ждать овации. Эта новость пробудила во мне резкий и неудержимый поток тщеславия, который стал моим спутником на весь день. Словно демон, он шел справа от меня. А слева от меня не ангел, а еще один демон, – страх.

Надо только позвонить Гордону, если он дома, и напомнить про песню. На всякий случай...

Глава I. Звездный парень

Казалось бы, что может быть лучше рождественских праздничных дней? Время, когда людьми движет новогодняя суеда и желание все успеть, ведь 25 декабря все должны быть дома, рассказывать друг про друга смешные, но не обидные, а порой бессмысленно повторяющиеся истории, делиться впечатлениями за год и, конечно же, много петь. Ни один город стороной этот замечательный праздник не обходит. Что вы, он в каждом уголке земле, я думаю, радость приносить почти всем. Каждому народу по-своему. Однако, много у рождественских дней и темных пятен. Относится это к людям одиноким, лишенным семьи, друзей, любви и доброты. Для такой группы людей этот праздник проходит как по сценарию: пришел домой, встретил новый год и отправился спать. И это не правильно! Рождество – это время, когда остро обостряется потребность в людях, которых ты любишь. Плевать на подарки и всякие украшения – любимый человек и место у камина, все, что нужно для счастливого рождества. Хотя, возможно, нужно иметь дом ради такого, чтобы у камина сидеть, но это уже не важно.

Между тем, в последние числа перед Рождеством, вопросы одиночества и способы отпраздновать рождество без людей не волнуют Дэвида Хейли. Что же можно сказать об этом юноше. Дэвид прекрасно устроился в жизни, он хорошо учиться в школе, не так уж отлично, как требуют от него родители, но все же недурно. Родители Хейли, Итан и Марта, можно сказать, сливки небольшого городка Винсенс, что раскинулся на юго-востоке штата Техас. И стоит упомянуть, что зима в этих местах не суровая, ее не сравнить с погодой в Мичигане, и она не такая как в Нью-Йорке или Филадельфии. Поэтому, дух рождественской суеты живет лишь в магазинах, в домах и в украшениях на елках. Иногда, в гости заглядывает легкий мокрый снег, словно сам Санта-Клаус его сбросил щеткой со своих саней. Родители Дэвида из тех, кто фактически создает это рождество в городе – они владеют магазином, единственным крупным маркетом в этом городе. Плюс ко всему, Марта Хейли еще и работает в местной библиотеке. Что тут скажешь, самые обычные добропорядочные граждане Соединенных штатов. Но положение семьи Хейли слегка, по мнению Итана, сгущает их сын, Дэвид. Он – местная звезда, популярный молодой человек, любимец девушек, обольститель учителей и талантливый тусовщик. Дэйв, как его ласково зывали местные красавицы, бунтарь, а именно – страстный поклонник рок-н-ролла.

Он родился в пятницу 26 октября 1943 года, родители пророчили маленькому Дэйву большое будущее в семейном бизнесе, учителя давали положительные оценки его вокальным умениям, а он сам с самого начала своей жизни любил мечтать и задаваться целями, которые мало кто решался себе ставить, но у судьбы всегда иные планы. Пути уже написаны, а свой путь – должен выбрать юноша сам. Будьте уверены, у Дэвида уже есть своя роль в одной большой пьесе под названием жизнь, а уж драматическая или лирическая, решайте сами.

Итак, 16 декабря 1960 года, вот-вот президентом США станет впервые в истории страны католик – Джон Кеннеди, мода на бунтарскую музыку рокабилли постепенно идет на спад, а группа The Beatles еще не гостила на американской сцене. Ученик выпускного класса, Дэвид Хейли упорно готовится к своему выступлению 23 декабря. Поскольку он хорошо играет на пианино, организатор всего мероприятия, миссис Пул, хочет, чтобы Дейв выступил с какой-нибудь лирической песней под собственный аккомпанемент. Умный и хитрый Хейли любезно принял предложение учителя и заверил, что никаких происшествий не будет и эксцессов тоже. Однако, бедная Луиза Пул не знала, что Дейв хочет играть именно рок-н-ролл, и не на пианино, а на своей гитаре. А гитару он получил от отца с боем. Итан был очень суровым отцом, хоть и любил своего сына очень сильно, сам играл на фортепиано и считал это самым лучшим инструментом для человеческого слуха. Отчасти, появлению вкуса к рокабилли и гитарной музыки у Дейва от своего дяди, Луиса Хейли, уроженца Лаббока, того самого города, где

родился Бадди Холли². Он притащил джазовую гитару в дом своего сурового брата. Итан считал своего брата слегка чокнутым бунтарем, но сын загорелся умением Луи перебирать пальцами по грифу. И тот выпросил у отца гитару, не сразу, но отец купил ему Gibson ES175. А вот усилитель приходилось покупать самому, Дэвид копил на него 7 месяцев. Да и Итан был недоволен этой покупкой сына, ох не любил он занятие своего брата настолько, что принижал сына всякими язвительными фразами и беседами. Итан с насмешкой, даже с упреком глазел на то, как его сын вместе со своим дядей пляшут под песню Twenty Flight Rock, которую с экранов телевизора наявничал красавчик Эдди Кокран³.

– Как это круто! – восклицает в изумлении Дейв.

– А как же! – и чуть позже, со словами – Ой смотри! А так можешь! – показывает другое модное танцевальное движение.

Трудно было в такие моменты остановить мальчика и мужчину, которые на две минуты стали настоящими одноклассниками. А "главному и строгому" Хейли оставалось лишь с рукой на лице наблюдать и искренне желать, чтобы никакого рок-н-ролла не было бы по телевизору и его не дернуло бы больше переключать каналы во время рекламы.

– Ей Богу, лучше бы ты кадиллак у меня просил... Я хотя бы понимал в этом случае, что ты мой сын, а не творение Луиса... черт возьми. – разворчался однажды Итан, когда Дэйв принес домой новенький гитарный усилитель.

– Дорогой мой отец, если когда-нибудь я стану суперзвездой и у меня будет столько кадиллаков... твоего магазина не хватит! – заявил с особой гордостью юный Хейли, рассматривая свой набор.

– Смеешься? Максимум что тебя ждет с таким... занятием, это участь твоего дяди Луи... в клубах выступать! – продолжал Итан.

– Ну-ну, между прочим папа, Элвис Пресли купил своей матери дорогой кадиллак... – иронично сказал Дэвид.

– Ну посмотрим... Элвис...

Утром, Дэйв никуда не торопился, не спеша встал, прихватил свою гитару и отправился к своим друзьям, по совместительству, своей группе, состоящей из контрабасиста Гордона, ударника Милза и пианиста Джо.

– Салют ребята, готовы репетировать? – спрашивает у своих друзей входящий в гараж Дэвид.

– О... Дэйв... а чего с гитарой? Миссис Пул сказал ты на пианино... разве нет? – удивленно спрашивает Гордон.

– Ну... пускай она дальше так и думает... – иронично говорит Дейв, затем он снял гитару и продолжил пафосно выступать – если бы Бадди Холли всех слушал, что ему... и как играть... мы бы никогда не услышали его... Да и не пианино же мне тащить...

– Холли погиб... он мертв – добавляет Милз

– Вот если бы не его характер, он бы в Лаббоке умер бы... от скуки... раньше! – смеясь комментирует Джо.

– И то верно... но да ладно, что играть будем? – спрашивает уступивший в споре Гордон.

– Ну, начну я на пианино... как и просила миссис Пул... И начну я с Донны. А закончим мы, я не зря упомянул Бадди, Oh Boy... – расписывает репертуар Дэвид.

– Это называется, ты хочешь разжечь зал? С нас же три песни точно потребуется! – говорит Милз.

– Закончим True love ways... так сказать, для всех влюбленных. – дополняет Хейли.

– Пойдет! – сказали разом все участники группы.

---

² Бадди Холли (1936-1959) – американский певец, популяризатор рок-н-ролла и кумир молодежи в 1950-ых.

³ Эдди Кокран (1938-1960) – американский певец и рокабилли-музыкант.

Пока друзья настраивают свои инструменты, невольно, все разговорились о будущем. В особенности их разговорила тема девушек. И тут же Гордон, как самый близкий друг упомянул причину, почему Дэйв будет играть True love ways.

– Ааа...да ты захотел наконец признаться в любви Эмели? – с сарказмом выдал Гордон.

– Что? О чем ты говоришь! Да мне не нужна эта маленькая Эми... – отмахивается Дэвид.

– Мм...как скажешь... – говорит Гордон с явным намеком на то, что он в сказанное не верит.

Ох, знал бы Гордон, насколько близко он к истине, ведь Эмели нравится Дэйву еще с 6-ого класса. Эта девушка из такой же консервативной семьи, какими являются родители Дэвида. И стоит отметить, девушке он слегка симпатичен. Правда, в этом случае ему не повезло, тихоня Эмели не видит себя с таким звездным парнем как Хейли и всячески старается не сталкиваться с ним взглядом. Дэйва не остановить, втайне от всех он мечтает о ней, даже находясь в постели со звездными красавицами школы Винсенс. Можно сказать, что он сам себе противоречит, встречаясь с очередной девушкой, буквально на глазах Эми, но что поделать, в этом был весь Дэйв. То ли такой образ – это способ скрыть себя настоящего, то ли просто норма для завзвездившегося подростка.

Между тем, в последнее время Хейли все отделяется от жизни парня нарасхват и сосредотачивает внимание на Эмели. Идя на компромисс с консервативной составляющей этого города, он пытается стать тем маяком, что привлечет внимание девушки его мечты. Но, очень часто, это комично выглядит, особенно когда он в открытую спорит со своими друзьями на глазах Эми, пытаясь показывать себя то ли гением, то ли просто сильным человеком. Доходит до абсурда, если вспомнить случай, когда он на ее глазах поспорил с Гордоном, что без проблем возьмёт ее на руки и пронесет через весь город. В целом можно сказать, Дэйв умело привлекает девушек, умеет с ними общаться и находить к ним подход, если дело обстоит не с девушкой, в которую он влюблен.

Находясь в гараже Гордона, группа молодых людей играли, уже ставшие крепкими и популярными, синглы таких же молодых американских парней, как сами члены команды Хейли.

Хоть и Дейв был занят репетицией партии, он часто отвлекался. Да, причиной его выпадения из реальности – все та же Эми. Ведь именно на этом новогоднем вечере он планировал сделать по-настоящему мужской шаг. Это первый раз, когда юноша очень сильно взволнован. Его не пугало будущее, ему от отца останется магазин и уж тем более, его не смущало возможное участие американской армии в войне с вьетнамцами. Внимание было сосредоточено лишь на Эми. Подобно художнику, изображающему на холсте прекрасное лицо своей возлюбленной, он старается посвятить ей произведение. Он песню пытается сочинить уже давно, правда, выходит ужасно, нескладно и не мелодично. Как же это трудно, быть музыкантом трудно...

– Придумал, сыграем Tryin' to Get to You? Разбавит наш угрюмый зал во время танцев? – предложил Милз

– Х...хм...а не слишком старовато? – спрашивает Дэйв, обдумывая этот вариант.

– А по-твоему Донна⁴ это очень новая песня! – поддерживает Гордон.

– Собственно...почему! Только, надо мне вспомнить эти аккорды... – Дэйв берет в руки гитару и вдумчиво рассматривает гриф, правда он только делает вид, что вспоминает ноты, ибо помнит их наизусть.

– Дэвид Эдвард Хейли! Если кто и может сыграть все что угодно, так это ты! – воскликнул Милз.

– Ты бы струны поменял...Ромео! Выглядят слегка...потертыми... Смотри! Как бы они не украсили тебя шрамом... – сказал Джо, указывая на гитару Дэйва.

---

⁴ Donna – песня американского певца Ричи Валенса (1943-1959), посвященная его девушке.

– Ой... черт, а ведь ты прав. Парни! Я быстро, до лавки Ива... – второпях, сказал Дэйв и умчался сломя голову, оставив в гараже гитару.

А направился Дэвид к местному музыкальному ангелу – Иву, пожилому мужчине, лет 58. Он в городе давно и лет десять держит в Винсенсе небольшую музыкальную лавку, а все сырье везет из Далласа. А Хейли является одним из постоянных и любимых клиентов.

Дэвиду повезло, в магазине были необходимые струны и как всегда, по доброй цене. Со спокойной совестью, Дэйв отправился обратно, в импровизированную студию. Но по дороге с ним случилось то самое "великое совпадение", что меняет судьбы людей. Хотя судьба – слишком сильно сказано, но вот настроение у Хейли поднялось. Посчастливилось, по дороге он встретил Эми. Поговорить они толком не успели, лишь обменялись взглядами и стандартными приветственными фразами. Честно говоря, Дэвид сам спешит при разговоре с ней, отчасти из-за волнения, а иногда из-за отсутствия в голове тем. И в этот раз не обошлось без этого. Можно вечно прибывать в удивлении, человек, проводивший, чуть-ли каждую пятничную ночь в компании какой-нибудь красавицы так пасует перед девчонкой, в которую влюблен. Таков парадокс Дэвида Хейли, парадокс влюбленного.

В школе тем временем, полным ходом все готовились к заключительному празднику, отчасти из-за каникул, рождественские каникулы привлекали всегда больше чем учеба.

– Каждое Рождество одно и то же, лицемерные люди надевают костюм порядочных людей и сами начинают в это верить, поучая каждого, кто не так живет. Забывая, что этот праздник – торжество любви... – это знаменитое, хоть и циничное выражение Дэвида. Оно сопровождает все, что не нравится умеренному нигилисту Дэйву, только вместо рождества другое словцо.

Дэвид любил рождество, как и любой американский христианин, он лишь почему-то не любил людей. Именно поэтому, готовясь к своему выступлению, он никого не слушал, даже группу; даже Гордона. Зачем, если он считает, что прав, верно?

Нота за нотой, строчка за строчкой и аккорд за аккордом, группа Хейли и друзья вспоминают хиты пятилетней давности. Однако песня Элвиса так и не пришлась по душе группе. Вернее, именно вышеупомянутую мелодию они просто не могли хорошо сыграть; выходило не так, слишком "не рок-н-рольно", без нужного раскачивания. Но Дэйв был непреклонен, он был убежден в надобности Пресли на новогоднем концерте.

– Парни... Дэйв... может просто песню заменим? Того же Элвиса, но не эту? – попытался пойти на компромисс Милз.

– Да вообще, может, убрать Пресли из нашей шоу программы! – громко, ударив по басовой клавише заявил Джо.

– Джо... какого черта? – в недоумении крикнул Гордон.

– Джозеф Айра Хилл, не позорь звание музыканты!!! – поддержал Гордона Дэвид, выдерживая свой стиль общения, как окружной прокурор штата.

Джо не особо уважал Элвиса Пресли, предпочитая Льюиса или Ричарда⁵. И не старался скрывать этого от своих друзей, которые были горячими поклонниками короля рок-н-ролла. Последний титул Джо не признавал за Элвисом и часто оспаривал этот факт перед своими друзьями. Да уж, ведь миру так интересен спор четырех старших школьников небольшого города в Техасе. Звучит иронично, но именно это, вероятно, думает каждый из членов компании. В противном случае непонятно, к чему масштабы подобных споров, к чему такой азарт.

– Все! Хватит! Поем «Синие замшевые туфли»... и никаких споров, ее, хотя бы, знают все... – предложил и утвердил компромисс Дэвид.

– Как скажешь большой Д... ты у нас босс... – вздохнув, сказал с облегчением Милз.

---

⁵ Джерри Ли Льюис (род. 1935) и Литтл Ричард (1932-2020) – американские певцы и пианисты, пионеры и популяризаторы рок-н-ролла. Кумиры молодежи в 1950-ых.

– Такс... начинаем... раз... два... раз, два, три... – дает отмашку Дэвид на начало репетиции.

После хорошей репетиции, Дэвида ждал, как он думал, когда направлялся домой, отличный отдых и тишина. Отец как всегда будет читать прессу, сидя в своем кабинете, обсуждая сам с собой о тонкостях американской экономики и политики, считая себя не на шутку превосходным экспертом. А мама планировала ничего не делать, после очередного дня в библиотеке сидеть и перебирать формуляры. Что до Дэвида, он планировал сидеть на кровати с гитарой и аккорды повторять, зная, что без усилителя он никого не беспокоит и не нарвется на критику.

Но в этот раз, его ждала не комната, а недовольный отец. Итан был в ярости, узнав, что на этой неделе Дэйв вступил в конфликт со школьным учителем музыки и даже позволил себе резко о нем высказаться.

– То есть как это, бестактно? Я назвал этого старого осла посредственностью в мире музыки и не особо буду это скрывать! – с гордостью заявил Дэвид на все упреки отца.

Так уж вышло, что школьный учитель, несмотря на относительный спад рокабилли-ажиотажа, все равно ненавидел эту музыку, активно ее высмеивал и был до боли консервативным человеком в этом плане. Можно было бы списать это на возраст, но Дэйв не готов был этого стерпеть даже из-за этого и два дня назад вступил с ним в вышеупомянутый спор.

– Дэвид Хейли! Что за слова! – вступает в разговор Марта.

– Мааам... я не намерен слушать подобные доводы... черта с два! – продолжает парировать юноша.

– Ты что о себе думаешь?! Раз пару песен можешь спеть и играть на этом... инструменте, думаешь ты великий эксперт в области музыки... – сказал мистер Хейли, а затем повернулся к своей супруге и продолжил говорить, используя оскорбительный сарказм по отношению к сыну – взгляни милая, ты родила великого эксперта! Куда ему Шопен! Он Элвиса знает... Больше никто же не может быть авторитетом... кроме этих поганых рокеров...

– Шопен гений, а про нашего учителя я так могу сказать – сноб и дурак! – говорит тихо Дэвид.

– Знаешь что... сын, меньше слушай и играй этот дешевый джаз... еще раз такое повторится, твоя гитара отправится в тур... по свалкам штата в комплекте с массажем об асфальт! – заявил Итан.

– То же мне... эксперт в области политики и экономики... – язвительно сказал Дэвид.

– Что ты сказал?

– Ты как с отцом разговариваешь! Что ты сказал?!

– Ничего! – молодой человек повернулся и направился в комнату, но развернулся и добавил – И кстати! Всех музыкантов критиковали при жизни и называли бунтарями, даже Моцарта... даже Баха...

Дэвид ушел, а осадок от этого короткого, но большого разговора остался у всех членов семьи. Итану осталось лишь глубоко вздохнуть и вспомнить свою молодость, как они с братом приходили в экстаз от джаза и как его за эту, "негритянскую музыку" критиковал отец. Но взрослых, состоятельных и зрелых людей всегда что-то останавливает от ситуации, когда надо войти в состояние своего ребенка, а не слепо его критиковать.

– А ведь ты помнишь как твой отец пили тебя за увлечение Руди Валле, пытался бить за... хм... хех... увлечение мной? – спросила с улыбкой Марта.

– Такое забудешь... правда, он меня не бил... а лишь замахнулся, когда я домой ночью пришел. – ответил Итан.

– Дай шанс, рано или поздно и это пройдет...

– Возможно... ты и права... дети...

Дэвид сидел в комнате в компании своей гитары и просто думал, почему одни люди считают себя умнее других, а бунтарей – сразу бандитами. Юный Хейли сохранил в себе черты

подростков моды рокабилли: импульсивность, эгоцентризм и резкость. Правда, в этом он опоздал, время проходит. Хотя, позже, его мысли сменились придуманными эпизодами его свидания с Эми, к которому, он вообще еще не приблизился. Но мечтам его преграды не было.

Как и предсказывал Дэвид, отец не стал долго беседовать на тему молодости или музыки, а молча, уставший ушел в кабинет газету читать. Беда в том, что читать он как раз таки не мог – его мучали мысли о сыне. Посему он сидел в своем кресле и озирался в окно. Слегка запотевшие окна давали ощущение, что на улице был мороз. Ночью было прохладно, но мороз до города редко добирался. Итану не привычно видеть подобную картину каждый год в зимнее время, ведь маленький Итан Хейли до 7 лет рос в Нью-Йорке, долгое время его отец там работал. И даже спустя годы, он не может привыкнуть к весне вместо зимы. Дэвид же напротив, никогда не выезжал за пределы города, ему этот пейзаж не кажется странным.

Кстати о Дэйве, он, как и его отец сидел и думал. Заснуть он долго не мог, долго за своим столом пытался что-то сочинить. Стоит сказать, что за сочинительским делом, Дэвид тот еще маньяк. Гитара Хейли имеет большую царапину, которую лаком пытался скрыть Ив. Откуда, вы спросите, это повреждение взялось? Все элементарно, когда дело шло с простыми неинтересными девушками, Дэвид играл простые песни о любви, пытаюсь их быстро, грубо говоря, завести. Но все эти песенки – это не его песни, их авторами, как и прежде, были Бадди Холли, Элвис Пресли и иные музыканты. В случае, когда Дэвид влюбился в Эми, это произошло довольно быстро: он увидел ее один раз с книгой в руках, возле библиотеки, милую девушку с распущенными рыжими волосами, читавшую Хэмингуэя. Не сказать, что Хейли сейчас взрослый, но тогда его уместно можно было назвать ребенком. Увидев ее один раз, он думал, что это на всю жизнь. Он пришел домой, сел за стол, достал тетрадь, подвинул к себе гитару и начал... сочинять. Дэвид блуждал в воображении долго, забыл про домашние задания и сосредоточился на строчках. Но ничего не выходило и тогда, он взял и швырнул свою гитару и бросил тетрадь в окно. В порыве подросткового нервного срыва он не заметил, как отправил гитару в сторону медной ручки шкафчика. Думаю, итог вы знаете.

Утро субботы, самый прекрасный день для многих. Тем более, с каждым днем, приближается рождество. Тем не менее, юный мистер Хейли не особо рад новому дню. Во-первых, он на полу уснул, с гитарой в обнимку, а во-вторых, после вчерашнего у него не было желания спускаться вниз для семейного завтрака. Да и к тому же, из-за того, что он лежал на полу, обнимая гитару, у него затекло все, что могло затечь. Дэйв просыпался с болями в спине и отпечатками от гитарной фурнитуры на руках. Сжав волю в кулак, припрятав свою гордость в карман и собравшись с духом, Дэвид спустился с лестницы. Не сразу, иногда спотыкаясь, согнувшись как старый дед, попутно ворча что-то про сон с гитарой, но все же спустился.

– О, Элвис Пресли спустился... – слегка иронично сказал, уткнувшись в газету отец.

Дэвид никак не отреагировал на это. Он подошел к столу, молча сел и начал есть, не поднимая глаз на свою семью, взгляд молодого человека пал на единственную слепую зону – яйца и бекон на столе. А сам отец не спешил строить из себя обидчивого полковника, он просто сидел за столом с привычным для него добрым взглядом и продолжал читать свою газету.

– Ох уж...эта вьетнамская гражданская война! Почему мы ничего не делаем...они там скоро начнут друг друга бомбами выкуривать. Давно надо было послать пару батальонов, от этих комми азиатских и следа бы не осталось! – бормотал отец про себя, размышляя о небольшом конфликте во Вьетнаме.

– По мне, так там нет никакой войны...так...небольшие атаки. Нашей армии там просто делать нечего... Не будет там крупного конфликта, это точно! – тихо проговаривал про себя Дэвид.

– Что будешь сегодня делать? Опять с Гордоном и друзьями в его гараже сидеть? – спрашивает у Дэвида вошедшая на кухне мама.

– Возможно... – холодно отвечает Дэвид.

– Нашел бы какое–нибудь занятие, сходил бы в кино, в библиотеку, знаешь ведь, кто там работает... – с легким намеком говорит мама.

– У нас и фильмов то новых нет, да и не с кем... Эми постоянно посылает к черту, а моим друзьям не интересно это... – тихо, томно говорит Дэвид, иронизируя сам над собой.

– Опять ты бегаешь за этой... Эммой. Видишь ведь, что не твоя эта гитара... выражаясь твоим языком. Ну раз отказывает эта, попробуй с другой... в тебя пол школы втюрились, а ты и не рад! – подключился к разговору отец.

– Итан! – дергает отца мать, с целью намекнуть, что он должен замолчать.

– Я 39 лет как Итан! А я дело говорю... сын! Где ты и где эта Эмма, простушка та еще....

– Итан!

– В конце концов, девушек много будет и когда ты, в университет отправишься, там, таких как Эмма, как патронов в американской армии...

Дэвид смотрел грустными глазами на отца, переваривая каждое казанное им слово, он при этом молчал и внимательно слушал. Разумеется, с отцом он был не согласен и от чувств к Эми отказываться не собирался.

– Итан Лоуренс Хейли! Хватит болтать всякую глупость! Не видишь, мальчик сам разберётся! – не выдержав крикнула на отца Марта.

Когда Дэвид закончил есть, он встал из–за стола, сказал спасибо и просто ушел на верх, взять с собой гитару, чтобы отправится к Гордону. На лице не было ни одной доли радости, реплики отца его явно не утешали. И со всей своей апатией, юноша с гитарой отправился на улицу. Было необычно тепло, Дэйв даже начал думать, зачем он прихватил плащ: светило яркое солнце и было, очень тепло, на улице стояла практически летняя погода.

Дом Гордона располагался ближе к школе, за 10 минут можно дойти быстро и хотя, Дэвид шел слишком медленно, размышляя, снова и снова проворачивая в голове слова отца, он пришел к дому довольно быстро. Гараж был открыт, а Гордон капался в нем, что–то выискивая.

– Привет Гордон! Что это ты пытаешься найти? Неужели контрабас потерял! – с сарказмом поздоровался Дэвид.

– Очень смешно! Нет, отец пистолет потерял. – отвечает Гордон.

– А причем тут ты?

– Он говорит, что забыл его где–то в гараже! Да только вот ну не могу найти..

– Хочешь помочь?

– Интересно и как же!

Дэйв с улыбкой посмотрел вправо и влево, а затем указал на старую бочку с надписью US и с гордостью заявил – попробуй здесь!

– С чего это в этом старом куске металла... стоп! Откуда! Как ты... как ты... черт побери! – Гордон уже готовился отмахнуться от ответа Дэвида, но все же решил сунуть руку и обнаружил там то, что искал.

– Да все просто! Это единственное место, куда бы точно не полез. – смеясь отвечает Дэвид.

– Гениально!

– Да и просто один раз я видел, как твой отец туда что–то постоянно опускает...

– Ах ты, сукин сын!

– Не обращай на это внимание, мой друг... я просто очень внимателен к деталям. Тебе советую развивать свою наблюдательность, это пригодится...

– Это мне говоришь ты?

– Да я. – Дэвид уверенно кивал головой, с закрытыми глазами и чувствовал себя правым.

– Ой привет Эми!

– А, что... Эми... здравствуй!

Но никакой Эми не было, друг просто решил сбить гордую спесь с лица своего друга путем простой психологической шутки, на которую купился Дэвид. Оглянувшись впопыхах, но девушки не было, был лишь смеющийся Гордон.

– Ах ты...сукин сын...

– Вот теперь ты меня понял. – смеясь сказал Гордон.

– Не смешно! Вы уже все с этой Эми...надоели...

– Так что...нам...еще делать, покуда ты в нее влюблен, а об этом знают все.

– Если бы Джо не шутил об этом громко...никто бы не узнал.

– Ну...а тебя тогда это волновало что ли, знают все или нет?

Дэвид мягко улыбнулся, посмотрел в небо и сказал – Хм...немножко больше чем сейчас, друг мой, немножко больше...

– Так мы...будем репетировать...иди философствовать на тему жизни? – спрашивает в пол голоса Гордон.

– С одним гитаристом и твоим контрабасом...ты что шутишь? – слегка с истерикой отвечает Дэйв.

– Ну так в чем проблема? – Гордон указал на старое пианино, что стояло у него в гараже. – Ты ведь знаешь, как играть... – продолжил Гордон.

– Я? Фортепиано? Шутишь? Это же скучно... Я что, Шопен? – пренебрежительно ответил Дэвид.

– Тебе же итак придется играть...

– Да но...(пауза) но балладу, а не рок-н-ролл...

У Гордона гараж был как театр в миниатюре, причем этот театр в плачевном состоянии. В его доме был белый рояль, а в гараже старое школьное пианино. Видите ли, дом Гордона один из старейших в Винсенсе, а семья Гордона весьма состоятельные граждане Америки, вот и хватает денег на прихоти их сын в виде контрабаса, или, нового пианино в класс, чтобы получить благосклонность для своих детей от педагогов.

– А кстати, где Милз и Джо? – спрашивает Дэвид.

– Один с отцом в городе, а другой вроде на свадьбе. – поясняет Гордон

– Чьей свадьбе?

– Не знаю...он не говорил.

– Будем надеется что он сам женился...иначе, он мне нужен.

– Тебе?

– Ой...то есть нам, я хотел сказать нам!

Все оставшееся время двое друзей лишь разговаривали на свои темы, порою играли, репетировали песни, но больше, конечно болтали.

Выходные насыщенными в городе не назовешь. Что можно делать практически в деревне? Даже кинотеатр работает с перебоями, не говоря уже о клубе. Половина семей отправлялись либо в город к родственникам или по делам, либо, в лес, на природу. Но поскольку все жители города через это проходят, каждый второй знает лес как свои пять пальцев, разумеется, кроме болота, что в 18 километрах отсюда раскинулось. Его посетить решаться далеко не все. Любят старые люди рассказывать про погибшего там ребенка, о призраках времен гражданской войны или всякую подобную чушь. Американский человек эту тему обожает, еще со времен Ирвинга. И, тем не менее, на болоте никого не было, выглядит оно всегда зловещи, да и опасное место. Но я не зря его упомянул, один раз Дэвид там бывал, как видите, жив и здоров, на спор с Гордоном, он отправился туда с фотоаппаратом, пофотографировать местных "духов". Ну что сказать, смешной и глупый поступок, но Хейли выиграл 5 долларов. Кстати о нем, выходные он планирует провести в библиотеке – читать, это он любил, погружаться в русскую литературу, которая была на полках. Его привлекала психология в этих книгах, в персонажах и в их поступках. Досконально изучить русский стандарт литературы у Дэвида не получилось

бы, книг в библиотеке мало, особенно русских писателей. Однако ему это не мешало величать себя знатоком русской культуры и всем это демонстрировать. И плюс – в библиотеке всегда прохладно и удобные диваны.

Тот промежуток дня, вечером, между заканчивающимся воскресеньем и рабочим понедельником, думаю знаком всем. В это время ты ощущаешь одновременно и приятную усталость от проведенных выходных, отдыха или хобби, и тоску от того, что снова придется вставать с утра пораньше на работу, в школу или в длительную поездку. Разумеется, если вы не провели все выходные дома и не успели ощутить дыхание отпуска. Тогда вы очень сильно похожи на Дэвида. Он весь свой уикенд либо проторчал в гараже с Гордоном, либо дома, в комнате, с гитарой в руках или с книгой. Про библиотеку говорить не надо, читал он мало. Не удалось вот и все, провел в здании библиотеки час, может два, но в итоге его одолела жуткая апатия.

Последние часы 18 декабря, он провел с карандашом и бумагой в руках, в то время как все уже спали. Да, да, он пытался вновь писать, снова сочинить балладу в честь Эми. Но стоит сказать, продвинуться он смог далеко – он написал один куплет и придумал название – *Forever in my dreams*. Вы не представляете, сколько искр своей души он вложил в эту балладу. Что стоило переступить через себя и написать партию для пианино и гитары, плюс – это не рокабилли, а, повторюсь баллада.

Уснул он лицом в этой самой тетради.

– Дэйв! – сквозь сон доносился голос мамы, а значит пора вставать.

Утром юный мистер Хейли обнаружил у себя на щеке отпечаток фразы *in my drea*, лежал он не ровно, лишь часть надписи была на лице.

– Дэвид Хейли! Живо вставай! Опоздаешь. – настойчиво кричала мама.

– Правда приятель давай ты уже вставай, а то твоя мать сейчас до Вашингтона докричаться сможет... а слух у меня не стальной! – с большой долей сарказма крикнул папа.

– Итан! – ответила мама.

Дэвид как обычно спускался на кухню медленно, успевая сосчитать все ступеньки родного дома. С кухни доносился приятный аромат бекона, а на улице было солнечно.

Быстро собравшись, Дэйв направился в школу, встретив по дороге Гордона.

– Ты что... опять сочинял? – тот сразу же спрашивает у своего друга, глядя на тетрадный "шрам".

– О чем ты? – пытается скрыть Дэвид.

– У тебя на лице буквы... стер ты их не до конца.

– Что, сильно заметно?

– Бросается в глаза...

– Черт возьми... может мне стоит бросить это дело? Писать эту ненужную балладу?

– О чем ты говоришь! Если бы все великие так думали, они бы не стали великими!

– Да но...

– Никаких но! Даже если девушка это не сможет оценить, это оценят другие люди.

– Каким людям?

Гордон похлопал друга по плечу и указал ему на дорогу, ведущую от городка вплоть до границы штата, и сказал – Таким людям, как мы с тобой... Милз, Джо... в мире всегда найдется тот, кому понравится твое дело, это всегда так происходило и будет происходить...

– А кто-то говорил мне, что это я излишне философствую... – с легкой иронией сказал Дэвид.

– Нет мой друг, ты просто слишком много читаешь русской литературы... это вредно, ведь там же один мрак...

– Тут я с тобой поспорю.

Друзья продолжили свою дискуссию по дороге в школу, заменив этим самым разговоры о жизни. Они смеялись, спорили и порой переводили стрелки друг на друга, но это не мешало им быть на подъеме, наслаждаясь этим замечательным днем. Ведь до рождества осталось 7 дней.

В школе чувствуется праздничная атмосфера, вокруг суета и многочисленный поток должников и двоечников строится в очередь к тому или иному преподавателю, чтобы получить соответствующую оценку. У Дэвида знака должника в кармане нет, он этой касте не относится. Хотя у него были проблемы с мистером Брауном, вышеупомянутым учителем музыки, но в худшую сторону этот факт учебу Хейли не повернул. Да и мистер Браун не торопился портить жизнь парню из-за одного оскорбления. Да, Гектор Браун был 67-летним скрягой, который, как всем кажется, кроме как со своими книгами ни с кем не общается. А вместо комплиментов и простого приветствия начинает критиковать. Но у него своя история, не будем строго оценивать человека лишь только за его социальную роль ворчуна.

Младшие школьники все с улыбками бегают по коридорам, со всех сторон доносятся разговоры о том, кто что подарит маме или папе, другу или подруге. Учителя торопятся подвести итоги, а директор, с приподнятым настроением флиртует с миссис Пул, используя порой очень смешные комплименты. Анализируя вышесказанное, можно смело утверждать – дух рождества уже вступил на порог маленького и старого Винсенса.

Всю эту неделю, а точнее, оставшиеся 4 дня, Дэвид не стал беспокоить себя учебой, а на уроке сидел и продолжал сочинять свою незавершенную балладу. Он делал это осторожно, сохраняя страх выговора в случае своего раскрытия. Но как не странно, у него начинает получаться. Словно в голову постучались нужные слова, нужные обороты и рифмы, вместе с нотами. Невероятно, но из воображения Дэвида буквально лились строки, а он только успевал ловить их своей ручкой.

Дело, с которым он бился несколько лет, внезапно было закончено на уроке биологии 21 декабря. Тогда он от радости, дописывая последнюю букву, подскочил и крикнул – наконец-то, есть!

– Не знал, что вас так порадует открытие учеными клетки, мистер Хейли... – с иронией прокомментировал ситуацию учитель биологии.

– Верно...простите сэр, слишком эмоционально! Но это же был прорыв верно?! – сориентировался и ответил Дэвид.

– Верно Дэвид, вы как всегда правы. Отлично сказано! – ответил, словно на равных учитель.

Преподаватель продолжил вести урок, а Дэйв тем временем молча, без какого-либо звука продолжал радоваться законченной песни.

На одной из перемен он немедленно побежал за Гордоном, чтобы сообщить ему о своей победе.

– Гордон! Я наконец-то написал ее? – говорит Дэйв своему другу.

– Я тебя поздравляю! А то ведь...бросить...бросить. Вот видишь теперь! – говорит Гордон.

– Да уж, это того стоило! И представляешь, я так крикнул...от радости, что мистер Петерсон меня чуть не спалил...

– Молодец конечно...смотри не испорти свой...в кавычках...сюрприз для Эми. – сказал Гордон, но затем его взгляд бросился на коридор, он дернул Дэвида и сказал – ух ты...смотри, кто идет...

– Заткнись... – пробурчал Дэвид, потому что Гордон указал на проходящую мимо них возлюбленную первого.

– В чем твой план? Тебе нужна помощь? – спрашивает Гордон.

– Мне нужен...эх...бр...грр...мне нужен гитарист... – с явным отвращением говорил Дэйв.

– А чего так не вежливо! Или ты думаешь в школе нет других гитарных маньяков кроме тебя? Хех, смешно.

– Был... мой дядя Луи. Но он в Нью-Йорке.

– А чего сам не хочешь играть?

– Я на пианино буду играть...

– Ты...?

– Да...

– Ты? Пианино... серьезно?

– Я обнаружил, что моя песня идеально звучит в сопровождении рояля. Более лирично, романтично что ли... Это особенная песня, там только ритм гитара. Да и то... в качестве украшения...

– Давай я сыграю на гитаре?

– Нет. Исключено, мне нужен твой бас... ну да ладно, обойдемся фортепиано.

Дэвид пожал плечами и задумался над какими-то посторонними мыслями. Хотя идея исключить гитару из своего маленького рок-бэнда казалось ему непривлекательной, идти наперекор и отказываться от исполнения уж точно был он не готов.

– А все-таки, в чем твой план, а? – Гордон прервал мысль и спросил Дэйва действиях по отношению к Эми.

– Все просто... музыка, танцы, любовь всей жизни. Три столпа счастливых отношений. – пояснил Гордон.

– Как все просто у тебя... смотри, как бы не пришлось жалеть.

– Не в этой жизни мой друг! Нужно верить в лучшее...

Светлый день пятницы 23 декабря 1960 года в школе Винсенса вот-вот состоятся танцы. Вернее, в эту самую эпоху это называли танцами, один из немногих дней в учебном году, когда ученики могут быть самими собой, сбросив оковы скучных учебников и лекций учителей.

По традиции, все пройдет вечером, в школьном зале, для этих целей как раз подняли сцену. Согласно старому регламенту, слово, чтобы поздравить всех учеников предоставляется сначала директору, но ничего нового Найджел Кулидж не сказал, фразы избитые, только с добавлением свежих новостей и, конечно, цифра на огромном плакате над сценой менялась. После мистера Кулиджа, речь должна была произнести миссис Пул.

– Добрый вечер юные американские граждане, которые вот-вот вступят на порог взрослой жизни... – громче, за счёт микрофона, говорит тихая миссис Лиза Пул.

– Бла...бла...бла...как всегда одно и тоже – ворчит вслух Джо, стоя за сценой.

– Да ладно тебе, добрая женщина позволяет нам выступать... Да кстати, а где Гордон? Скоро же... выступать! – говорит Дэйв, вспоминая, что его друга нет нигде.

– Черт его знает... обещал быть... – тихо отвечает Милз, протирая один из своих барабанов.

Тем временем, учительница перестала говорить частые фразы, ее манера говорить изменилась на более резкую и веселую, чуть-чуть резкую.

– ...Но кому все это интересно, верно? У вас есть еще время, чтобы как следует развлечься... так не слушайте скучные речи учителей... давайте, счастливого Рождества! – закончила свою речь миссис Пул.

В этот раз ей аплодировали с воодушевлением и с улыбкой на лице. Может быть, сама речь была не интересна, но вот середина и конец отличались и это главное.

– Где Гордон! Какого...его нет? Ну если он опоздает, я ему такое устрою... мало не покажется! – уже со страхом и злостью говорит Дэвид.

– Что ты мне устроишь? – неожиданно, из-за спины, Дэвид услышал голос своего друга.

Он повернулся, перед ним стоял Дэвид с контрабасом в чехле. Он наспех завязывает синий галстук, открывает старый потертый чехол и достает свой контрабас. Этим он заставил впасть в недоумение членов своей группы, ибо контрабас был белый.

– Ты... ты что ты со своим инструментом сделал, расист? – усмешливо подмечает наличие белого контрабаса у Гордона Милз.

– Ахахаха... клоуны... – иронично отвечает на усмешки друзей Гордон.

– Не ну правда... ты что, теперь член Ку–клукс–клана? – саркастично говорит Дэйв.

– Между прочим, белый цвет, это очень даже красиво и элегантно, я специально свой старый и потертый поменял на этот, в лавке Ив. Он мне предложил... правда, пришлось доплатить двадцатку сверху... ну это ничего. – поясняет Гордон, словно он все сделал правильно.

– Ты хоть в курсе, что он твой старый... испанский...

– ...Итальянский... – поправил хозяин инструмента речь своего друга Джо.

– Не суть... Ив твой итальянский контрабас продаст за цену, которая на целую кварту выше, чем стоит твое это белое недоразумение... – закончил свою мысль Джо.

Не выдержав издевок, Гордон повернулся к Джозефу и начал упрекать – а ты что, разве о белом рояле не мечтаешь? Значит ты тоже расист.

– Ладно, ребята, хватит. Скоро наш выход! – сказал Дэвид, дабы успокоить своих друзей.

Тем временем, на сцене появился нелюбимый Дэйвом учитель пения. Его пригласили, чтобы сказать пару слов, перед тем как начнет выступать группа Дэвида.

– Опять этот старик... будет заливать о вреде "молодежной музыки"... – ворчит про себя Хейли.

– Прежде всего, стоит сказать, что музыка это древнее искусство и у каждого она своя. Я считаю, что классическая музыка – лучшее творение человека и дальше поднимать планку уже некуда. Но раз вы все хотите чего–то особенного, для вас выступит Дэвид Хейли и его оркестр! – речь старого педагога удивила всех, не только Дэйва и друзей, но и даже тех учителей, которые согласны с мистером Брауном.

Тем не менее, под бурные аплодисменты на сцене появляются молодые ребята со своими инструментами, за исключением Джозефа, он лишь толкает старое пианино в сторону группы. У главного микрофона встаёт Дэвид и говорит – сегодня вы еще услышите виртуозное исполнение мелодии от нашего друга Джо, а пока... друг мой, уступите место. Для всех девушек звучит особенная песня!

Джо покачал плечами, улыбнулся и отошел в сторону.

Все–таки обещание, данное учительнице, было выполнено, молодой человек играет лирическую любовную песню, а в зале все с восхищением наблюдают за этим. Верные компаньоны Дэвида стоят пока что без дела, кроме, разве что, Гордона, создающего приятный басовый фон своим новым инструментом. Правда, восхищенными глазами он смотрел не на своего друга, а на одну девушку, на которую тоже положил глаз. Можно назвать это одним словом – мальчишки, но это практически не несет в себе никакой информации. Дэвид тем временем уже закончил играть, резко встал, крикнул в толпу в знак того, что ему это понравилось, и поклонился залу. Вокруг все аплодировать стали, но кто громче всех, мне кажется, это была именно миссис Пул.

– А теперь... ребяташки, будет рок–н–ролл! – прошептал он про себя, сделав слегка злостное выражение лица.

Дэвид подскочил, взял свою гитару и прыгнул к микрофону.

Не стоит останавливаться на этом моменте, но Лиза Пул была явно удивлена, увидел "элегантного молодого человека", как она это себе представляла, скачущим по сцене с гитарой. Про реакцию мистера Брауна я вообще молчу. Правда, школьным понравилось, они подпевали, хлопали и свистели. Тем не менее, реакция учителей угасла, когда он снова стал петь спокойную и медленную песню, особенно в моменте, когда он закончил петь.

– Сейчас...я бы хотел исполнить то, что написал сам...посвящаю всем влюбленным и одному особенному человеку. – сказал Дэвид в микрофон.

Юный мистер Хейли снова присел за фортепиано, чтобы сыграть свое произведение, которые было также полно любви, как и сердце его автора. Хотя мой рассудок не готов поверить в столь чистые чувства в таком юном возрасте, именно это, юношу, играющего на пианино, я бы представил как символ чистой любви. Но не следует путать символы и содержание, точно?

Исполнение песни поразило многих, даже Браун со своим снобизмом встал и начал легко аплодировать тому, кто еще неделю назад назвал его старым ослом. Еще бы, ведь он готовился к этому очень долго. Волновался, старался не испортить не единого фрагмента, а его пальцы порой отказывались слушать. Но совладав со своими мыслями, он продолжил усердно играть, до самого конца. И результат был очень внушительным, такого внимания Дэвид Хейли не испытывал с того момента, как первый раз на сцене не играл. А самому Дэйву после последнего поклона казалось, что он способен теперь изменить мир. Юношеский максимализм взял над ним верх и его вряд ли могло что-то остановить. Разве что, конец всего мероприятия.

– Чуваки...черт побери! – кричит на всю комнату, что за сценой, Дэвид.

– Это было круто! – восторженно скандирует Милз.

– Еще бы...а вы видели выражение лица старого Брауна, когда мы Элвиса играть стали! Я ради такого...хоть каждый год готов здесь играть. – подхватил Гордон

– Ух ребята...это еще что! Вот через год, два, это выступление в школе запомнят как наш первый звездный час! Восхождение группы Дэвида! Теперь ребята мы с вами точно мир изменим... – продолжает Дэйв.

– Звездный час? – с удивлением спрашивает Джо.

– Ну да. – отвечает Дэвид, но скепсис в голосе друзей его насторожил. – А что...?

– Дэйв...чувак, о чем ты, пора думать о будущем. А мы не можем всю жизнь играть... это не понесет нас на олимп счастливой жизни. – поясняет Джо. – Да, музыка это круто...но... не всегда прибыльно...

– Но...

– Что но, Дэвид? Не обижайся, но ты и Гордон богачи...вам терять нечего. – говорит Милз. – Вы можете поставить все на альбоме, а мы...

– Верно...мистер Хейли–шоп! – иронично сказал Джо.

Спор был неожиданным явлением. Целых пятнадцать минут молодые люди спорили по поводу будущего своей группе, с одной стороны были Гордон и Дэвид, а с другой стороны Милз и Джозеф. Последние, однако, одержали верх, и даже Гордон для себя решил, что более занятие музыкой не будет постоянным занятием в жизни. Дэвид был вне себя от злости, чувствуя себя преданным, он бросил гитару в комнату и выскочил из помещения, крикнув – ну и черт с вами...я буду один!

Уговоры друзей, доносящиеся из-за спины не повлияли на Хейли, но у него было еще одно дело. Эми, юная муза. Он спешил к ней в надежде довершить свой план и хоть как-то поднять настроение себе.

Покуда еще не все разошлись, он решил сделать долгожданный шаг. На период этого решения мысли о разногласии с друзьями покинули память парня, она заполнилась сценариями о том, как будет выглядеть процесс признания. В голове Дэвида мелькали эпизоды первого свидания, улыбку девушки и приятные взаимные слова.

К несчастью Дэйв был далек от реальности, его наивность его и подвела. По дороге он увидел Эми, в компании юного Джеральда Форда, такого же звездного парня, как и сам Дэйв, но только с одним исключением – он не любит музыку и мечтает открыть собственный бизнес.

Сердце Хейли стало быстро колотиться от эмоций, что он испытывал в момент, когда видел свою возлюбленную в объятиях другого. Тот в свою очередь проводил пальцами по ее рыжим волосам, поглядывая ей в глаза, создавая неловкий момент для самого Хейли. Его охва-

тила паника, он начал ронять слезы. Эми и Джеральд продолжали о чем то тихо разговаривать и смотреть друг на друга влюбленными глазами. У Дэвида появилось желание, тут же бросится и хорошенько побить этого напыщенного индюка, но чтобы окончательно не потерять контроль над собой, он хватил свой галстук и стал нервно играть им в руках, попутно поднимая воротник своей рубашки, что должно было смотреться как проявление гордости; но было нелепым. И стоять ему долго тоже не хотелось долго, он ловил себя на мысли, что в скором времени он увидит то, что ему самому хотелось бы испытать с Эми – поцелуй. И так произошло, нервная система мальчика не смогла включить защитную реакцию: он бросил свой голубой пиджак и синий галстук на пол и стал быстро идти в сторону выхода.

Он даже не особо понял, как дошел домой, он оставил и плащ, и гитару в школу. Это заметили родители и сказали забрать все завтра.

– Хорошо, я ....завтра утром...схожу в школу и заберу все. – сказал, ели сдерживая слез Дэвид.

Дэвид решил весь вечер провести в комнате: еще одного спора с семьей он бы не вынес. В голове у мальчика лишь мелькали эти двое и друзья, которые, по его мнению его предали. Долго с этими мыслями лежать на кровле он не смог, он встал и побежал вниз. Был вечер, Итан и Марга сидели в гостиной.

– Мам, пап, а чего тянуть. Пойду сейчас и заберу вещи, пока там еще открыто. А то вдруг завтра никого не будет... – крикнул своим родителям Дэйв.

– Давай, только не долго...и возьми джемпер...на улице уже холодно. – ответила мама.

– Без проблем...будьте уверены...я не надолго.

Дэвид не стал даже переодеваться, пошел в своих белых брюках, рок–н–рольных ботинках, накинув лишь сверху синий кардиган. Но перед этим, он тихо заглянув в кабинет отца. Он знал, где лежит отцовский кольт 1911, ему не составило труда его взять.

Вече, тем не менее, не приносил нужных темных красок, с этим прекрасно справлялась тень Дэйва, идущего в направлении школы. У школы стоял старенький черный Форд конца сороковых, а из открытого салона машины доносилась громкая музыка. Проходя мимо Форда, он вспомнил хозяина этой машины, Оливера, он видимо ждал свою девушку, обычно они вместе уезжают. Joshua Fit the Battle of Jericho в исполнение любимого Дэйвом Элвиса Пресли – песня, игравшая в машине задавала определенный тон походки Мистера Хейли.

Школа была не закрыта, какой уж там, даже сам рождественский вечер не закончился, все были еще в школе, даже друзья Дэвида. Его самого интересовала лишь пара Джеральда и Эмели, которые, к слову, были около коморки, за углом перед входом в помещение. Мистер Хейли, с оружием в руке, подошёл к самой двери. Эми и ее новый молодой человек его не видели, зато ему самому открылся отличный взор на всю их любовную процессию, плюс – все было слышно. Оказалось, эти двое уже дней пять вместе, поначалу она его недолюбливала, он клеился к ее подруге. А теперь, вы видите сами, расцвет новой школьной любви.

Дэвиду не хотелось долго на это смотреть и слушать их разговоры; его переполняло отвращение, помноженное на злость к друзьям и всем людям в целом. А было похоже это на тяжесть, словно внутри тебя лежит гиря, которая постепенно увеличивается, давая о себе знать.

– В этом мире...ничто не достойно внимания...и даже любовь и даже дружба...Даже чертова музыка не приносит нужной радости! – пробормотал Дэйв, направляя пистолет отца на парня Эми.

Глаза Дэвида заполнились яростью, а желание спустить курок, но что–то его держало. Вероятно, его сдерживало то, что называется нашей совестью, но я так не думаю: он просто не хотел травмировать Эми. Хотя о чем это я, не могу он этого сделать. Не так–то просто убить человека, в особенности, если ты добрый человек. На секунду ты в ярости и с грозным взглядом пытаешься сделать ошибку, а потом злость сменяется отчаянием. Впав в это самое

отчаяние, Дэвид вбежал в комнату, сел за пианино и начал рыдать. Даже играть было трудно, бить по клавишам или по самому инструменту, ибо там, в двух шагах – Эми и ее кавалер.

Как мне все это надоело, я так не хочу! Все отвратительно... Да пошло оно все к черту! – Молодой человек посмотрел на пистолет и, произнеся эту фразу, выстрелил себе в затылок, сидя за фортепиано.

Звук упавшей головы молодого человека издал неприятный и пронзительный скрип фортепианных клавиш. Это дополнилось грохотом упавшего оружия. На миг вокруг наступила абсолютная тишина, лишь только пробивавшиеся сквозь столбы мертвой тишины крики птиц за окном оттеняли один сплошной реквием. Ноты естественной мелодии смерти были столь медленными, что можно было, смело успеть их записать.

Жизни людей теперь могут измениться очень сильной. Но никто не знал, что будет дальше. А для одного из них, карта судьбы предоставила лишь одну дорогу, вокруг и позади которой огромная стена. И уйти с этого пути назад, или в сторону уже нельзя – только вперед. Там где раньше была тьма, теперь оказываешься ты и будь готов к этому.

Глава II. Пустота

Вы когда-нибудь задумывались, как вообще происходит смерть? Для тех, кто не верит в бессмертие души или в Бога, ответ очевиден, умирает биологическое существо, но для верующих или суеверных – душа отправляет на суд Божий, в ад, в рай, в потусторонний мир, у каждого по-разному.

Я представлял это иначе. Но мои стремления, мои предположения и идеи были далеки от истины. Мертвые не могут испытывать шок, но могут испытать страх. Страх при виде самого себя. И я не в силах сказать, что я чувствую, когда смотрю на самого себя с оружием в руках. Но только это уже не я, то бездыханное окровавленное тело. Что же произойдет дальше? Неужели меня ждет ад?

Вокруг меня был совершенно невообразимый пейзаж. Там где раньше был я, теперь огромный темно-синий туман или тень, и он постепенно двигается в мою сторону. А над головой звезды, нескончаемый поток синих огней и точек, похожих на картинки с изображением галактики из учебника по астрономии. Справа от меня на полу находилась трещина, которая ведет в темную пустоту, оттуда доносятся, тихо, но четко, неприятные вопли и крики. Неприятные звуки, словно кто-то играет на скрипке ржавой пилой. Яркие потоки золотых огней проносились сквозь меня, мне казалось, что я видел целый мир, оставаясь на том же самом месте. Звук, напоминающий крылья голубя, но невообразимо громкий, вышел из другого угла, откуда сочился перламутровый свет с ярко-зеленой дымкой.

– Я не помню тебя в своем списке... – внезапно из-за угла я услышал чей-то голос.

Эхо в коморке было малым, но фон этого голоса был ярким и громким.

– Кто вы? Вы... дьявол? – спрашиваю я, пытаюсь отыскать источник голоса, попутно думая о происходящем. – Неужели дьявол... он пришел за мной? Вот так легко...

– О нет, что ты, я не дьявол... – передо мной предстал высокий мужчина с темно-русыми волосами.

Внешность у него была, на мой взгляд, весьма импозантной, строгий стиль одежды, но в тоже время одна деталь выделяла его характер. Он был одет белую рубашку, серый клетчатый, пыльный, словно временем он был испачкан, жилет, черные как чернила в классе мистера Брауна, брюки и такой же темный, словно тень фрак. А его туфли, были той самой смущающей меня деталью его образ: рыжие лаковые. Эти ботинки совершенно не вписывались в общую картину этого джентльмена, который будто бы сошел со страниц иллюстраций викторианской эпохи в Англии. Все соответствует, но не туфли. От них исходил такой поток света, словно в них были встроены телевизионные лампочки, при отсутствии таковых. Да и от самого персонажа исходила одновременно и светлая и темная энергия, о чем я сам знаю, но не в силах объяснить откуда. Дополнили его образ ручные кожаные часы с трещинной в стекле. А его голос был настолько чист и высок, будто со мной говорит женщина, которая периодически занижает свой голос, становясь похожей на мужчину. Очень смутное объяснение, но его голос чертовки пластичен, говорит и женским и мужским голосом одновременно и это не вызывает отторжения слуха.

– Кто же вы тогда? – спрашивают я с легкой дрожью в голосе.

– Разве это не однозначно?

Но даже его наводящий вопрос не подтолкнул меня к поиску ответа. Ко всему прочему, я продолжал со страхом смотреть на свое холодное тело, на лице которого застыл ужасный одинокий взгляд, окрашенный в багровые брызги.

– Мое имя... у разных народов... звучит по-разному! Иудеи дали мне имя Аваддон, другие зовут Азраэлем. А для большинства людей я известен лишь как слово, которое несет с

собой каждая война... – поясняет таинственный собеседник, не смыкая при этом глаз, смотря лишь мне в глаза.

– Ты...ты – смерть... – тихо говорю я, направляя свой взгляд обратно на самого себя.

– Совершенно верно...так меня называют, когда обвиняют или злятся, когда пишут в газетах или рассказывают в историях. Ангела, что забирает людей...

– Ангел? Что...простите? Я не догоняю... Ангелы – они...хорошие...и не убивают! А людям, по вашему, им не за что ругать? Вы...вы разрушаете человеческую жизнь! – упрекая, во весь голос, тараторил я, перескакивая от фразы к фразе.

– Я? Разрушение? Одумайтесь! Что вы говорите? Я лишь исполняю обязанности, данные мне по неволе своим создателем! Мне никогда не хочется разрушать чью-то жизнь или разлучать близких людей, но такова судьба! – с криком отвечает Ангел смерти, оглядываясь вокруг. – Душа проходит цикл, как и солнце. Утром вы видите его над головой, а ночью его нет...

Я умерил пыл по мере его объяснений. Желание спорить со смертью и так не было велико, а теперь и вовсе испарилось.

– Людям...всегда нужен тот, кого можно обвинить, чтобы самим остаться чистыми... Такова наша натура.

– Это странная черта вашей природы.

Ангел смерти стоял в метре от меня. Но когда стал спорить со мной, он расправил свои огромные серые крылья, вокруг которых струилось необычное голубоватое сияние. Крылья были настолько огромны, что проходили сквозь стены, словно через туман. Смерть смотрел прямо мне в душу своими серебряными глазами, не стесняясь и не скрывая легкого презрения в мой адрес.

– Разве вы, не лишили себя жизни сами? Я был вынужден прийти, хотя дел у меня много... такие как ты есть каждый день, каждый час и во всем мире. – с уважением продолжает Смерть.

– Нелегко это наверное... – комментирую сказанное я.

– Ангелы сущие...

– Что, вы отправите меня в ад...это же грех с моей стороны?

Он взглянул на меня, словно пытаясь что-то увидеть, найти какую-то нить, хотя возможно, он просто определяет круг ада, в которой бросят меня навсегда. Но внезапно он направил свой указательный палец на меня и громко сказал – НЕТ!

– Что??! – с удивление спрашиваю я.

– Я не могу, отправить в ад светлую душу, пусть даже и залитую грехом. Но и в рай дорога тебе закрыта. Твоим чистилищем станет это место, где ты забрал жизнь...что была тебе дана не собой!

– Что вы имеете в виду? – с непониманием спрашиваю я.

– Тебя никто не увидит, тебя никто не сможет услышать...

– Но как...как мне это исправить...и есть ли выход?

Ангел смерти направился в другой угол, пронзая своими крыльями стены школы, попутно объясняя с улыбкой на лице – выход есть всегда...твой шанс тебя найдет, и твое время придет! Исправишь ошибку, исправишь и судьбу, у тебя будет шанс...

– Н-о-о-о-о...к-а-а-а-к!? – кричу я, но ангел уже исчез, оставляя после себя лишь нотки голубого сияния крыльев.

Я остался наедине со своим телом. Как вдруг я понял, что был совсем не один, сзади были люди, которые мне очень знакомы. Они все смотрели в мою сторону, но видели лишь окровавленный труп с оружием в руках. Первыми очевидцами этих событий стали Джеральд и Эмили, которые прибежали на звук выстрела. Нужно сказать, но слезы на глазах Эми уже успели высохнуть, горестный взгляд сменился на взгляд, полный апатичности и разочарования.

Бедную Эми обнимая, практически сдерживали, чтобы та не упала. Лицо ее было бледное, думается, эту травму она не забудет. Я не в силах даже описать, как мне было неприятно это видеть. С одной стороны, это было ужасно, и мне ее было жаль, но с другой стороны, мои эгоистичные порывы было не сдержать.

– Если она так горюет...то почему она с этим...с позволения сказать, парнем?! Вот уж как мне это все напоминает лицемерие...как не стыдно! – в слух громко говорил я, понимая, что себя лишь слышу я сам.

Но я знаю, какую ошибку я совершил, ибо сюда пришли мои родители. Мою мать я никогда в таком состоянии не видел прежде, но больше всего, удивил отец. Я впервые вижу, чтобы Итан Хейли, человек необычайного юмора и крепкого духа так плакал. И что самое забавное, если в таком контексте следует допустить такое высказывание, у него было обычное его каменное лицо, с чертами человека, любящего сарказм и политику, но слезы раскрашивали этот взгляд тусклыми красками. Стоит признать, я был неправ, когда кричал на него, что у него нет сердца.

Там были мои друзья, мой рок-банд, члены моей семьи. У них в глазах был тот же ужас.

– А...теперь я вам нужен! Ну что же, посмотрим, как вы будете скучать по тем временам, когда мы вместе играли...до встречи, чуваки! – иронично и сердито говорил я.

В своих мыслях, я хотел остановиться, промолчать, понять ошибку и признать себя виноватым, но я не могу. Обида еще осталась, злость, причем на всех. На друзей, на девушку, которую я любил, на семью, на всех, без исключения.

Неожиданно, в помещение входит мистер Браун. Он кричит – все вышли отсюда! Сейчас сюда придет полиция! Все вон, тут не на что смотреть! Живо!

– Старый черт...тьфу...всегда будет всех строить... – проговаривал я, глядя, как учитель всех выпроваживает.

Внезапно, я услышал как мистер Браун что-то нашептывает.

– Эх...бедный юноша...что же ты натворил... – этот шепот был четким и говорил он обо мне.

Я пошел в его сторону, чтобы понять его слова. Не было веры во мне, что старик Браун сказал бы мне такое, никогда.

– Господи! Прости молодого дурака! Прими его в обитель свою, под крыло свое! На моей памяти такого талантливого молодого человека я не встречал...такие рождаются редко. Пусть я часто с ним спорил, что поделать, два резких человека, но в душе я знал – его ждало бы большое будущее... Аминь! – от этих слов учителя, на мгновение, мне стало стыдно и одновременно приятно. – Пусть в царствие твоем его ждет его любимое занятие...

На следующий день распознались, как черви после дождя, слухи. Буквально на каждом шагу, на каждой парте и из каждого уст. Все хотели знать подробности. Никого не осуждаю, я сам прекрасно знаю, что слухи это очень интересный вид информации. Но на них я стараюсь не обращать внимания, не слушаю и все, меня это не интересует, в чем смысл, если поддерживать разговоры я не могу. Единственное, что мне похоже доступно, это вещи трогать, ими управлять, потому что я без труда разбил колбу в классе химии, когда туда вбежал. Что же, это будет интересно. В этом я убедился, когда все рождественские каникулы проторчал в школе, самый страшный кошмар.

Моей целью был класс, где училась Эмили. Я наблюдаю за ней и ее классом весь день после каникул, изучаю их расписание и наконец, в четверг, когда они сидят в классе, где стоит старое фортепиано, мне пришла в голову гадкая мысль. Пока идет урок, я медленно поднимаю крышку старого черного пианино и стучу по клавишам. Первым это заметил один мальчишка на первой парте, но особого значения он не придавал, а когда все повернулись, движения не было. А вот когда я начал перебирать клавиши громче, это заметили все.

– И что...ничего удивительного, механические инструменты уже есть на выставках... – заявил какой-то умник на второй парте справа от выхода.

– Ах ты...(пауза) черт! А как тебе такое! – кричу я, хлопая крышкой пианино, параллельно играя на нем.

От всего этого, мне было смешно, они все меня не видят, и громко кричат. Особенно Эми, которая пребывает в шоковом состоянии. Она выбежала из кабинета как ошпаренная, громче всех крича. Учителю, хоть и самому было страшно, удалось утихомирить класс. Вокруг все кричат – это приведение! Скорее бежим!

– Никаких приведений нет! Всем оставаться на своих местах! Класс...тихо! Что вы орете? Просто пианино сломалось, надо к мистеру просто Брауну его отвезти. Так все! Урок еще незакончен! – учитель продолжает успокаивать класс, хотя, по-моему, он сам не верит своим словам, тоже слегка побаивается.

А я сам, тем временем, последовал за Эмили и наблюдал за тем, как она плачет у окна.

– Что-то быстро веселье сменяется плохим настроением и жалостью... – говорил про себя я, объясняя свои чувства в этот момент.

Через две минуты, она вернулась в класс. На уговоры учителя сходить к медсестре, она отвечала решительным отказом. Учителю ничего не остается, как продолжать урок.

– И так...давайте вспомним причины развития кризиса в Британских Североамериканских колониях... – возвращается к теме урока учитель.

– Мистер Риган? – спрашивает парень, сидящий на первой парте справа от двери.

– Да Билли, в чем твой вопрос?

– А как вы считаете, откуда берутся легенды о призраках и духах...или...прочих существ?

Учитель нахмурился, мне показалось, он сейчас ответит что-то нелицеприятное этому Билли или как-то накричит на него. И я уже к этому подготовился, ждал веселого момента, но учитель внезапно сбросил свою грозную мину, улыбнулся и начала отвечать на вопрос ученика.

– Хм...что же, хоть этот вопрос и не по теме урока, я отвечу. Явления, так называемые, призраки были давно. В каждой культуре своя легенда, свой рассказ или какая-то сказка. Даже у нас...вспомните Ирвинга с его призраком всадника, мистические рассказы Эдгара Алана По. Мне кажется, призраки появляются тогда, когда человек умер не так, как должен был...И родным, друзьям и знакомым хочется увидеть умершего человека. Довольно загадочная тема, надо сказать, отрицать ее глупо, но и верить тоже. Нет проверенных фактов или законов, я лишь рассказал то, что знаю. Версий много и как говорится, все правдивы, пока не доказали значимость единственной теории!

– Вы думаете, призрак Дэвида Хейли не уйдет, пока...кое-чего не добьётся? – переспросил, спросил Билли, бросая свой взгляд на Эмили.

– Ах...мне нравится этот парень! – сказал я вслух.

– П...причем тут Хейли? И нет у нас в школе никаких призраков! И вообще, забудьте про эту историю, проявите уважение к покойному парню. – сказал учитель.

– Билли...иди ты к черту! – крикнула Эми и снова выбежала из класса.

На сей раз, за ней последовал учитель, а я остался в классе.

– Билли, о чем это ты? – спросила одна девушка, воспользовавшись, случаем.

– Все же знают, что Хейли втюрился в Эмили. А она с этим...Джеральдом закрутила. А ты думаешь, зачем ему пистолет в рот было вставлять!

На этой прекрасной ноте я не выдержал, схватил со стола бюст Джорджа Вашингтона и швырнул его на пол. Реакции класса я ждать не стал и ушел. А проходя по коридору, я заметил как учитель, Эмили, Гордон и офицер полиции беседуют в коридоре.

– Откуда там взялся полицейский! – крикнул я, проходя мимо них.

Ясное дело, что коп расспрашивал Гордона обо мне, а учитель вместе с Эмели подернулись случайно. Подслушивать этот разговор мне смысла не было, зачем? Моим конечным пунктом маршрута стал стадион, благо за пределы здания, как, оказалось, выходить я могу. Но вот дальше школьного участка мне прохода нет.

Весело было только первые пять лет. Когда тебя никто не видит, ты можешь развлекаться, как можешь, кричать, петь и вытворять вещи, за которые тебя давно бы исключили из школы и посадили бы в казенный дом лет на двадцать. К счастью, тexasские тюрьмы не принимают в свои камеры мертвецов, также как и наши родные суды не будут судить призрака. Хотя, моими стараниями ряд учеников получили наказания.

– Упс... а что я, ребята, я помочь не могу... извините, умер! – говорю всегда я, когда вижу, как мальчишек обвиняют в моих же проделках.

***

Однажды утром, 18 сентября 1965 года, судя по дате в газете на столе мистера Брауна, я заметил активные дебаты двух старшеклассников. Любопытство толкнуло меня тут же послушать, о чем спорят эти юноши.

Как оказалось, они не спорили, а громко восторгались одним фактом – США отправили свои войска во Вьетнам.

– Не может быть! Мой отец был все это время прав, надо же... – с удивлением сказал про себя я.

– Скоро наши в миг уничтожат этого демона красного, и вся Азия будет подчиняться нам! – сказал один из старшеклассников.

– Еще бы, зуб даю, месяц им на то, чтобы свои красные чемоданы собрать... – поддержал второй.

Трудно поверить в это, но такие мнения были. Юные американцы верили, что армия решит все проблемы быстро. Но я помню, как дело развивалось дальше.

Стоит упомянуть о музыке, которую я, в силах некоторых трудностей слышать не могу. При этом, я слышу популярные мотивы.

– Все бы отдал за персональный проигрыватель... – однажды воскликнул я, сидя на одном из вечеров самодеятельности школьников.

Я каждый день вижу, как кто-то кому то в любви признается. Только, не всегда я запоминаю имен. Отрывками я могу составить хронотоп: Клара призналась в любви Мэту в октябре 1963-ого; Гарольд пригласил на свидание Лизи; Роберт поцеловал Донну, этот список бесконечен. Также бесконечны те моменты, когда я стою рядом этой процессии и злобно проговариваю:

– Да что ты? Любит он ее... как же, он целовал твою подругу!

– Ты... вечно... что? Не клянись дура! Чует мое сердце, что вон тот ботаник станет твоим лучшим парнем, чем этот качек!

– Друг мой... о чем ты? Какое свидание, она – местная шлюха! Ей такие хорошие парни как ты не нужны!

– Может, хватит! Ребят, я хоть и умер, но меня тоже может тошнить от ваших поцелуев...

– Стоп! Тот факт, что вы заперлись в моей коморке не дает вам право... продолжать на моих глазах! Черт возьми.

И знаете, после того как крикнешь как следует на этих людей, становится намного лучше. Мне вспомнилась одна сцена, как 13 мая 1967 года в моей коморке. Да, опять в ней, я уже потерял счет. Парень изменил своей девушке с какой-то чирлидершей. У этой девчонки, кроме ее фигуры не было ничего, но суть не в этом. Так вот потом слухи дошли до его девушки,

они выясняли отношения, и она ему поверила. Эта дура ему поверила, они встречались еще около месяца.

А через год какому-то парню с внешностью ботаника изменила девушка, так он был такой бледный, будто хотел пойти моей дорогой. Я тогда оказался неподалеку, услышал крики, это была как раз одна из таких идиллий. Парнишка был настолько шокирован, что смотрел в одну точку, где как раз стоял я, не отрываясь. А затем я просто ушел, в другую комнату. Парень еще долго кричал, неужели эта девушка так сильно была ему дорога, что можно выскочить из школы с криками. Будем надеяться, он не собирает себя трогать.

***

Иногда, мы ведем себя так глупо, ужасно и мерзко. Неужели чтобы это понять, надо себе пулю в голову пустить? Как же, все это видно, надо лишь просто внимательно смотреть.

От скуки, я стал читать книги мистера Брауна, которых было в избытке в классе.

– Невероятно... как он во всем этом разобрался... баритон... тенор, дюгазон... Боже мой, я понимаю, почему он был такой седой. – выкрикнул я, когда дочитал до конца 3-ю книгу. – Зато теперь я понимаю, почему он называл меня тенором, знаю что это значит...

Что заставило меня пойти на это? Книги в библиотеке кончились, времени было столько, а потратить его просто не представлялось возможным. Ведь мертвые не спят и им совсем не нужен свет, чтобы читать и ходить по школе. Это открытие я сделал в первую же ночь, когда остался в коморке. Наступила ночь, я смотрел вокруг и видел все в том же свете, что и днем. Пугающе забавно.

Однако, главным моим страхом было ужасное явление, с которым я столкнулся – одиночество. Я могу стоять посреди толпы, кричать, но никакого эффекта не будет. А ощущения при этом, ужасные, словно ты задыхаешься и не можешь никак себе помочь. Когда ты одинок, тебе страшно. Пусть даже ты в кругу незнакомых людей, но знаешь, что ты заведомо можешь обратиться к ним. У меня этого нет.

Довольно смешно выглядит моя компания рядом с людьми. А между тем, годы продолжают идти. На слуху преподавателей новые слова, а мода меняется. Хотя, Техас, по мнению моего отца, был одним штатов столь консервативных, что всякие молодежные культуры не доходят. Уж прости меня отец, но это было ошибкой. Как скоро американцы объявили о своей военной помощи одной из сторон войны, так скоро в обществе стали появляться противники этого самого вмешательства. Я их видел, молодые люди в странной яркой одежде и они все явно позабыли о парикмахерской. Да что говорить об обществе, если в заголовках газет стали появляться антивоенные заголовки.

Не узнать Винсенс, мода больших городов стала проскальзывать сюда медленно, но затем она рухнула как поток во время цунами. И моим ровесникам предстояло стать теме, кто критикует детей. Особенно тех, которые называются сейчас хиппи.

– Дьявол... да меня информация доходит словно до подводной лодки... даже не переспросить черт возьми! Вот ведь невезуха! – кричал я, когда мимо меня проходили люди и упоминали новые слова.

Однако недолгими оказались и заголовки плакатов, одежды и газет. Армия США покинула Вьетнам, война закончилась, коммунисты создали свое государство. Об этом я прочитал в газете, забытой на столе у нового учителя пения. К сожалению, Браун умер еще за год до этого. Как я это понял? Я не знаю, просто мне так кажется, да и его я больше не видел в школе. Новый малахольный учитель с слишком длинными волосами и своим голосом напоминавший описание короля Людовика XVI в учебнике: у него был высокий гнусавый голос. За 15 лет чтения книг в школе я стал больше знать, чем все новые учителя.

– Господи...а я еще не любил школу в свое время...да вы посмотрите на себя! Одеты непонятно во что, говорите кое-как... черт возьми, что с вами произошло! – такие фразы стали моим обычными делом на уроках.

Хотя мои скучные путешествия по всем школьным комнатам иногда приводили меня в места, где происходят все события. На недели наткнулся на девушку в слезах, она бежала в сторону чулана уборщика. Повторюсь, она очень сильно рыдала, кричала и визжала.

– Ну началось...что на этот раз? – закатывая глаза, ворчу я.

Лишь только спустя пять минут бесконечного плача я услышал причину, по которой эта вульгарно одетая девушка расстроена.

– Снова любовь? Вы сговорилось? Эй вы там! Ангел! Это специально что ли все? Я в чистилище? Иначе я никак не могу понять почему у всех этих рев одни и те же проблемы! – кричу я.

– Все, вот покончу с собой! Посмотрю, как Джош теперь запоем! – внезапно я услышал это от девушки.

– Т-а-а-а-к. Стоп...н-е-е-е-т. Эй ты! Хотя, ты меня и не слышишь...я все равно скажу, это не выход! Как бы мне не хотелось, чтобы кто-то составил мне компанию...не смей... Да нет...она и не сделает...стоп, это у тебя бритва! Черт, все-таки сделает... – говорю я, наблюдая за действиями девушки.

Она достает с полки бритву, оставленную, вероятно, уборщиком и готовится себя покалечить. Рука ее трясется, делая из бритвы какой-то маятник. А слезы на ее глазах падали на лезвие, распаваясь на мелкие капельки.

– Нет...так дело не пойдет. – говорю.

Я засучил рукава, и стал сбрасывать с полок все, что могло упасть, но не причинить сильной травмы. Затем я пошел на радикальные меры и просто схватил ее за руку, пытаясь хоть как-то ее сдерживать. После недолгих попыток, я выбиваю бритву из ее рук и пока она не видит, отталкиваю ее, чтобы она улетела на максимальное расстояние от нее в глубь банок с химией.

– Самоубийство хороший выход, когда ты слабак или идиот, такой как я. А жить вы не пробовали...ну да, это говорю я, но у меня опыт. – девушка выскочила из комнаты и побежала, пытаясь, видимо это все забыть, а я продолжал кричать ей в след.

Впрочем, мои слова никому особо не интересны. О Боже, теперь я тебя понимаю, тебя не видят, но ты должен им всем помогать.

– Я устал уже черт возьми так сидеть! Отправьте меня уже куда угодно! В ад или в рай! Больше не могу тут сидеть...я чертовски устал! Ктонибудь! Боже, помоги! – после этого случая я каждый день был не в себе.

Постоянно кричал, мне было ужасно плохо. Больше 15 лет я ни с кем не разговаривал, хотя вокруг проходят тысячи людей. Я прочитал все, что можно было прочитать, вплоть до состава химикатов для уборки и налоговых чеков в бухгалтерии школы. И мне кажется, я потихонечку схожу с ума, и мне абсолютно уже все равно на эти судьбы. Раньше это было интересно, теперь нет.

***

Очередное утро, каких в моей жизни было много. Жизни, если так можно это назвать, которая наполнена этими обычными событиями так, что буквально можно построить Вавилонскую башню. Как всегда, Найджел или сторож Фрэнк, чьих фамилий я не знаю, открывают школу. Становится довольно оживленно, хор из детских голосов самых разных возрастов напоминают репетицию какой-то оперы из учебника мистера Брауна. Кстати об этих самых учебниках, сегодня я собираюсь перечитать еще один раз парочку из его книг. Вернее, те, что остались в школе, большинство из них были списаны или в нашей библиотеке валяются. И

библиотекаршу стали мучать подозрения, что местные хулиганы воруют ее книги, при этом оставляя их в самых разных местах школы. Эти бедняги не виноваты, я не всегда успеваю увидеть, когда наступает утро, чтобы отправить книгу на полку обратно. Один раз я забыл сразу три в школьной беседе.

Вопреки вашим возможным ожиданиям, на Хэллоуин я не отрываюсь, я запираюсь и прячусь. Но, хотя, возможно я солгал. Ах, вспомнил один случай! В один из прекрасных дней, на Хэллоуин я решил по настоящему напугать пол школы, собравшейся на шабаш в спортивном зале. Представьте – дети в костюмах, какой-то бал, а тут я. Ну как я, мои проделки и шутки, в виде играющего на гитаре скелета. Нет, вы только не подумайте, это бутафорский скелет из кабинета биологии, это просто веселая шутка. Было это еще в конце 60-ых, в первые мои годы. Одной игрой на гитаре этот перфоманс не ограничился... Вы даже представить себе не можете, как мне было весело, особенно эта музыка, называемая криками, меня очень сильно смешила. А еще и поджог этот скелет, как говориться, если работать школьным призраком, так по крупному. Этот Хэллоуин не забывал никто, ни педагоги, ни ученики. Правда, через месяц, руководство школы списало мою выходку на проделки хулиганов и об этом благополучно большинство забыло. Но были и те, кто помнят призрака школы Винсенса...

На меня что-то нашло этим утром, я не знаю, как с этим справиться, но я твердо хочу посмотреть календарь. Благо он висит в каждом кабинете, а путь туда лежит близкий. Плюс, возможно скоро у меня юбилей, этот факт тоже надо проверить.

– Ох и какое на сей раз число? Что нам несет это будущее, о котором мы сочинения писали на уроках... Черт побери! 15 октября 1999 года! Это я получается, забыл как прошли последние пять лет! Боже мой, а ведь когда то календарь в этом кабинете показывал 1960 или... возможно, 1975, года которые, я точно запомню. – говорю с удивлением я, высматривая дату.

Неожиданно в меня швырнули чью-то сумку. Есть прелесть в том, что ты ничего не чувствуешь, ведь бросили ее с огромной силой. Я согнулся, в надежде увидеть имя, мода на именные сумки, надеюсь, еще не прошла. На старом зеленом рюкзаке виднеется небольшая вышивка, на ней золотыми нитками вышито – Г. Петти.

– Что за девчонки пошли, неужели опять парень бросил и кто-то истерит! Хаа, нет! С родителями проблема... Боже... – говорю я, думая что это рюкзак девушки.

Но на мое удивление, за ним прибегает парень, примерно моего, сколько мне было в 1960 году, возраста. Это мальчишка, с разбитой губой, высокий и слегка долговязый брюнет с очками на тонкой оправе. Очки с его глаз слегка спали, а дыхание было интенсивным, всем своим видом он показывал, что его определенно кто-то побил, и он от этого убежал.

– Г-л-е-е-е-н! Ты куда пропал? Мы еще с тобой не закончили!!! – мое исследование прервал крик, который доносился из-за угла, откуда выскочил парнишка.

– Ага, вот ты где! Что, рыцари из твоей... поэзии тебе не помогают? Или же нет... – перед мальчиком стоял голубоглазый блондин, ростом чуть выше, чем Петти.

Он скрестил свои руки в позу Наполеона и начал что-то говорить в манере, будто смотрит на всех с высоко. Хотя возможно так и было, учитывая его взгляд. Его бы я сравнил со взглядом орла на свою жертву, или же хитреца-дипломата, который разговаривает со слабохарактерным посланцем. С ним в компании, окружив хозяина рюкзака, стояли двое, один напоминал мне молодого мистера Брауна, а другой был очень сильно похож Джеральда, парня Эмили. От такого сходства мне еще сильнее стало жалко парня.

– Так еще раз уясним. Повторяй за мной, вот эти господа тебе помогут... Это не мой уровень! – блондин разговаривал гордо, пока его друзья придерживали Петти.

– Ты идиот Уильям... мне нечего больше сказать! Когда-нибудь зло в твоём лице будет побеждено! – не стал бояться, и открыто высказался Петти.

– Ага, значит ты... Уильям... а ты? Хм... – делаю выводы для себя, указывая пальцем на обоих, если можно так сказать, собеседников.

– Нет, дорогой мой Глен, это ты не понимаешь... – протирая глаза стал говорить Уильям.

– Ага, значит вот ты Глен... Г. Петти, Глен Петти. Пора тренировать память – говорю про себя между тем я.

– ...если ты...еще хоть раз посмотришь в ее сторону, эти джентльмены продемонстрируют тебе центробежную силу, инерцию и противодействие...тебе ясно? – продолжил свою речь Уильям.

– Что за ерунда?! В мое время парни в кожаных куртках ботаников мучали...слегка тупоголовые и сильные. А эти...какие-то странные хулиганы! Особенно Вильям, выглядит, как молодой учитель и явно не лишен интеллекта. Ничего непонятно!

– Я не собираюсь тебя слушать! Будь ты проклят! – уверенно крикнул Глен.

– Ну что же...хотел по-хорошему ведь. Эх...господа! Прошу, инерцию продемонстрируйте нашему другу пожалуйста.

– С удовольствием!

– С удовольствием! – говорят вместе друзья Уилла.

Мне в голову пришла мысль чуть-чуть поразвлечься, да и к тому же, надо бы выручить этого парня. И я ничего лучше не придумал, как отразить замах этих двух хулиганов настолько сильно, что это бы сравнилось с ударом в большую толстую книгу.

– Что за черт! Вы что не можете уделать одного ботана!?! Никчемные идиоты! Если хочешь, чтобы работа была сделана хорошо...надо делать ее своими руками. Нельзя никому доверять, особенно Закари... – ворча, кричал Уильям, указывая на кого-то из своих прихвостней.

Но и ему я сделать ничего не позволил, напустил жуткий сквозняк и тыкнул своими пальцами ему в глаза, давая возможность Глену убежать. Пока, как говорится, злодеи с травмами мучаются, добро бежит, сверкая своим рюкзаком.

Петти остановился около туалетов, чтобы передохнуть, там как раз стоял стол, за которым сидел Милз 39 лет назад. А узнал я этот стол по надписям "Джерри Ли Льюис крут!". Кроме него никто на такое не отважится.

Пока вокруг не было никого, Глен сунул руку в рюкзак и достал какую-то книгу, который оказался ежедневником синего цвета с наклейками и надписью "Собственность Глена Петти". И, тем не менее, складывалось впечатление, что я не первый кто спутал Глена с девушкой, не посмотрев на него самого. Да и дневники ведут в основном девушки. Знаю не понаслышке, сам иногда их читаю в школе, когда совсем нечем заняться. Так о чем я, Глен сильно по характеру напоминает либо забитого романтика, либо девушку, что стало поводом для этих хулиганов.

– Эх...что поделать, ведь как говорил Джон Леннон: если вы делаете что-то прекрасное и возвышенное, а этого никто не замечает – не расстраивайтесь: восход солнца – это вообще самое прекрасное зрелище на свете, но большинство людей в это время ещё спит.. – говорит парень, листая свой дневник.

– А кто такой Джон Леннон?! – спрашиваю глядя в блокнот я.

Глен дернулся с места и чуть не упал со стула. Я осмотрелся в поисках Уильяма, может быть он, услышал кого-то и испугался. Кто знает, через минуту он продолжил читать свои же записи. Одна из записей привлекла мое внимание.

В один прекрасный день, мы встретимся под деревом в парке и будем вместе разговаривать о музыке, и я буду любоваться твоим взглядом.

– Ох интересно, ты влюблен. Опяяаять...да вы все сговорились похоже. Хотя, стоит сказать, красиво написано. – говорю я, вчитываясь в строчку.

На одной из страниц были рисунки гитары, сразу видно, с этим парнем мы бы подружились. А на другой странице была открытка с длинноволосым мужчиной в желтых очках и надписью "Джон Леннон".

– Вот кто такой... этот Леннон, музыкант... интересно, что он за музыку создает. – говорю про себя я.

Через минуту прозвенел звонок, Глен ушел в сторону класса, а я пошел в сторону выхода, посмотреть на старые деревья и пальмы, что росли вокруг школы.

К вечеру, когда все ушли, в школе как всегда стало пусто и тихо. Настолько тихо, что можно было услышать капли дождя или крыс, которые обитают в подвале. До того, я видел, как последним из школы уходил мой новый "знакомый", Глен. И не секрет, что он ждал именно этого – пока все уйдут. Особенно Уильям и его компания. Этот трусливый и весьма апатичный парень вызывает у меня смешанные чувства, и я стал наблюдать за ним. Периодически, я видел с ним друга, они о чем-то говорили, что-то обсуждали, а когда ему нужно было уходить по делам, Глен ждал вечера. Он сидел около моей старой коморки, здесь никого, как правило, не было.

А с каждым годом, что я здесь провел, появилось столько непонятных вещей в школе, что экспонаты космической выставки в Остине были просто игрушками по сравнению с тем, что есть тут у нас. И хотя в целом, прогресса, который мы рисовали и описывали, не было, все вокруг впечатляет.

И так, еще один день, 18 октября 1999 года, если быть точным, я решил провести на уроке химии.

– Поразительно, какими свойствами у нас обладает жидкость, не правда ли, Крис? – издевательски спрашиваю я у парня, что сидит рядом со мной.

Ученик 9 класса, которого, судя по написанному на тетради имени, звали Кристиан, сидел один; а я решил составить ему компанию. Только вот всем вокруг скучно, некоторые особо продвинутые направили свой взор на небольшие черные устройства с кнопками, очень похожи на рацию. А остальные беседуют между собой и учитель им совершенно не мешает.

– Ай, грех не развлечься... – говорю про себя, составляя в голове очередной план действий.

Я встал и не спеша подошел к кафедре, взял всю свою силу, направил ее в руку и треснул, как следует по всем колбочкам, что находились на столе. От такого удара, все осколки от разбитых мензурок разлетелись метра на два.

– Никому не двигаться! – кричит учитель.

– Вот теперь настоящая химия... – хлопая, иронизирую я.

Настроение у меня было не очень. Оно было чуть-чуть отвратительно, очень сильно. Как не старался я его поднять, это было невозможно. Раз в неделю точно меня преследует паника, и я кричу в попытке быть услышанным кем угодно, ангелом, учениками или хотя бы сторожем.

– Мне кажется... я с ума схожу. Черт возьми, я 39 лет тут сижу и чего-то жду. Или мне что, сидеть тут пока сама школа не будет разрушена? Я уже времени не ощущаю, я в будущем, но ничего даже понять не могу... эх... как мне не хватает терпения. Злость к самому себе одолевает все чаще... Какого черта меня дернуло влюбиться в эту... И вообще, зачем надо было это делать! Этот шут гороховый, небось, был рад моему уходу... Люди, какие они иногда мерзкие... А знаете!? Я счастлив! Я вне общества и мне хорошо, зато столько всего вижу каждый день! Слышите! Я рад! Я счастлив! Спасибо за внимание и пошли все к черту! – этот длинный монолог был произнесен мною перед небольшими воротами к школе. Я не стеснял себя в громкости моего крика, мне нужно было выплеснуть все эмоции. Ведь я как огромная молния, меня распирает от злости.

Это место разделяет мой мир и мир людей. Но я откровенно лукавлю, что я вижу вокруг себя? Ничего нового, те же судьбы, те же истории, поменялась атмосфера, техника, одежда и слэнг. Единственным интересным событием была Зима 1976 года, когда месяц точно был жуткий мороз, но даже холода я почувствовать не могу.

– Хватит ребята! Сколько можно!?

– Мы тебе много раз говорили, не лезь...сейчас я тебе покажу!

– Ага...нашелся умник, вечера он ждет...чтобы с нами не пересекаться! – от размышлений меня отвлекли крики, которые по ветру дошли до меня из школы. Был вечер, почти все ушли и, было тихо.

Я быстро побежал к месту криков и увидел знакомую картину: дружки Уильяма пристали к Глену. В этот раз я не успел, бедный парень лежал на полу, а его обидчики, смеясь, покидали школу. Главный любитель обидеть слабого, даже издевательски крикнул в его сторону фразочку – сильный умом, но слабый духом всего лишь сырье! Мне стало любопытно, о чем это он, хотя, вероятно это всего лишь очередная фраза, по которой можно понять – мистер Уилли полный кретин и пытается как-то оправдать свои действия.

– Тряпка ты! Один раз отпор им дай, так они поймут, что с тобой связывается нельзя! Эх...30 лет назад... – говорю, но после мне в голову пришла мысль. – Так стоп, а 30 лет назад также было...о чем я, Господи...

– Вот ведь убудки...а...чуть альбом фотик не сломали...имбецилы... – тихо, с хрипотой, протирая свои раны говорил Глен.

– А сам-то? Тот еще идиот...чего они от тебя хотят мне все равно, но дать им отпор можно... – говорю я.

Мне и раньше попадались такие кадры, один из таких, в году так 68 был влюблен в первую красавицу, тоже вроде чирлидершу, понятно, что из себя, представляет внешне, но и умна была. Стерва редкостная, но с высоким интеллектом. А мальчишка был из богатой семьи, вот и использовала его она. В итоге его избили ее ухажеры, а он сошелся с другой девушкой. Из этих эпизодов можно коллекцию сделать. Ох, чувствует остаток моей души, у этого человека интересное будет будущее.

– Интересно, как будут развиваться события дальше?

Ночь и звезды, а также фонари ночного города, как не писать какой-нибудь пейзаж? Были бы кисты и краски и помещение, в которые совершенно не заходили бы люди, я бы стал художником. Но я в ресурсах слегка ограничен.

Один раз, я спросил ангела, забывая все, что он мне говорил в первую нашу встречу, почему я не вижу других, таких как я?

– Каждого ждет свой рай, свой ад, нет ничего определенного, точно также и смерть разная... И наказание за грешную смерть... А вся твоя судьба написана на твоей душе – ответил Ангел Смерти, словно старый друг, который хочет помочь.

Но это меня мало как просветило, я не понял его слов. Переварив это в своей голове, я поворачиваюсь своим лицом, с выраженным непониманием и спрашиваю – Что? А разве, если все написано, в чем смысл жить?

– Эти записи ты делаешь сам, а из них выходят тысячи дорог. Бог может тебе предложить, но выбрать ты должен сам. И в конце каждой дороги будет результат... – ответил Ангел, указывая рукой на мое сердце.

И все равно, многое непонятно. Очень многое остаётся для меня загадкой.

Много раз я думал над этим, сидя около ворот школы, смотря на небо или на дорогу, что ведет в город. И мне кажется, от меня очень много скрывают. Но вряд ли эти вопросы волновали бы меня, будь я старым мужиком, у которого к тому времени было бы все.

Сегодня 15 октября, понедельник, а значит, через 11 дней мне исполнится 56 лет, исполнилось бы, разумеется. В очередной раз, мне придется поздравлять себя с днем рождения самому. – С днем рождения, Дэвид...

Глава III. Неожиданный друг

Может это сон?! Нет....черт возьми, это не сон, это проклятая реальность! И самое обидное, что я даже спать не могу! – мой утренний девиз на еще один понедельник.

Буквально первое время, я понедельники считал, а потом это занятие бросил, посчитав 98 понедельников.

Сегодня совершенно обыкновенный новый день. Школьники как спешили на учебу, так и продолжают спешить. Компания Уильяма Родса, чья фамилию я подсмотрел в школьном журнале как чморила Глена, так и чморит его, а я стою и смотрю на очередные подколы над мальчиком. А те леди и джентльмены, что изволят на уроках прелюбодействовать в моей коморке, предварительно сперев ключ, как они это делают я до сих пор не знаю, как занимались своими делами, так и продолжают.

– Ну вы во всем конечно лучше меня, например тем, что вы можете чувствовать друг друга, а я не могу даже банально ударить себя и почувствовать! Допустим...но то, что я невидимый, это же не значит, что...Я НЕ ВИЖУ ВАС ЧЕРТ ВОЗЬМИ! – когда я смотрю на такие занятия, я просто кричу, насколько мне позволяет мой рот.

И вот мне интересно, как уборщик позволяет им ключи брать, да и почему собственно это происходит именно в моей коморке. Загадка. Дисциплина в школе страшно хромает.

– И почему у меня нет цепей...или костей...хотя...нет... – вздыхая говорю я, вспоминая, что ремесло пугать не особо доставляет удовольствие после тысячи выходов.

День так быстро прошел, что я не успел и опомниться, как большинство учеников уже сбежали по домам.

Но неожиданно, в мою коморку кто-то залез. А понял я это по звукам, которые исходили из угла, где небрежно лежали старые музыкальные инструменты, включая мою гитару. Отчего-то мой инструмент оказался без надобности, даже моим родителям. Не очень то приятный расклад, обычно вещи умерших принято хранить, да и это не ваза, а инструмент! Но не в этом суть дела, важно то, что посетителем помещения был не член персонала школы, я знаю, как звучит голос уборщика и знаю расписание, когда сюда приходит учитель музыки.

Незаметно подкравшись, я стал наблюдать. И в итоге обнаружил своего недавнего знакомого, Глена Петти. Но самым интересным открытием была веревка в его руках, из которой он пытался неумело соорудить петлю.

– Надоело....н...надоело...к чертовой матери. – бормотал невнятные фразы, всхлипывая и вытирая слезы Глен.

– Петля...как смешно, почему не пистолет? Что в наше время негде взять оружие!? – уставившись на паутину в углу около двери, говорил я.

– Ой...простите...это я...я–я–я... – Глен вскочил и стал оправдываться. От неожиданности у меня перехватило дыхание.

– Нет, наверное, показалось... – сказал я себе, испугавшись от неожиданности. Думал, что он меня заметил.

– Простите...и извините...я п...пойду. – парень бормотал это, не скрывая своего стыда, словно я был учителем, который застал ученика с сигаретой.

И тут весь мир перевернулся, я не мог понять, что происходит. Долгое время я находился в шоке.

– Ты...стой, скажи мне, ты что видишь меня? – спрашиваю я, дрожащим от радости голосом.

– Ну...да...а есть варианты? Вы простите я, не знаю, что на меня нашло... это... – пытался сказать свое оправдание Глен.

– А ну стой...меня зовут Дэвид Хейли...скажи это живо!

– В смысле...?

– Мое имя Дэвид Хейли, я из Винсенса скажи быстро!

– Дэвид Хейли...кто? Стоп! А...а...а правда кто?!

Мотаясь по углам коморки, от огромного всплеска радости узнав, что меня кто-то слышит и видит, я ничего умнее не придумал, как сказать – я тень из прошлого, запертая тут за свои грехи...

А в голове были мысли – Вот черт...что я за ерунду сказал?! Не надо было слишком много читать книг из библиотеки и разучивать их перед собой, говорю как какой-то писатель викторианской эпохи!

Даже пафосно сказав эту фразу, я продолжал не сдерживать своей радости. Глен как и минуту назад не понимал моей реакции и моего поведения, он даже начал смеяться надо мной. Хотя я был чуть-чуть доволен, что доставляю ему радость.

– Черт возьми! Ты и в правду меня видишь! Этого не может быть! – схватившись за свою прическу, крикнул во все горло я.

– Да ладно...хватит! Скажи, ты, что участвуешь в съемках? Или какой-то спектакль готовишь? – смеясь, задает мне вопрос Глен. Плюс он явно намекает на мой старомодный внешний вид, успев осмотреть всего меня глазами.

Я посмотрел на самого себя, насколько это представлялось возможным, и слегка был недоволен вопросом мальчика.

– Не такой уж у меня старый прикид...к твоему сведению! – сказал я, гордо подняв голову и закрыв глаза. – Между прочим, так и сейчас ходят, я видел!

– Да...ходят...старики или наш препод по рисованию, Мистер Робсон. – ответил Глен, проводя пальцем вдоль моей одежды.

– Тебе что-то не нравится?!

– Нет, это совершенно отличный учитель...

– Да причем тут учитель...я про одежду!

– Ну знаешь, так не ссобо одеваются сейчас.

Почесав свой затылок, я еще раз удивленно посмотрел на моего собеседника, сказал. – Знаешь...выбирать мне не приходится.

– О чем это ты говоришь...? Я не понимаю тебя совершенно! Ты что, по наркотой? Торчок? Тогда это многое бы объяснило... – уже грубо и упрекая начал отвечать мне Глен.

– Ух...не думал что все будет так сложно. – сказал вслух я, сделав перед этим глубокий, полный безнадеги, выдох.

От моих слов Глен изменился в лице, стал раздражительным и слегка пугливым. Его эмоции мне знакомы, учитывая его роль козла отпущения или же жертвы звездного парня, хулиганов или плохой среды, список бесконечен. У него есть лишь одна причина мне верить, и это, причина я сам. А ведь точно, в мою голову пришла мысль чуть-чуть помочь парню понять, что не все в этом мире так, как говорят люди.

– Я призрак! – резко и открыто заявляю я, не скрывая своих эмоций.

– Ну конечно...а я – Архангел Гавриил! – с сарказмом отвечает Глен на мою фразу.

– Я не шучу мальчишка...я мертв! Меня нет! Давно уже как! – продолжаю я.

– Призраков не бывает! Призраки – это воплощение человеческого воображения, используемое либо в литературе, либо в целях мошенничества! Приведения, души...все это лишь попытки людей вновь увидеть своего умершего друга или родственника! – с уверенностью говорит мне Глен.

– Да чтоб вас всех...что с вами сделало будущее...может вы еще в Бога не верите!?

– Как можно верить в такой же...вымысел.

Я посмотрел на парня с сожалением и упреком, затем опустил голову вниз и сказал томно, но громко – о Боже...

В детстве, нам нередко преподносили далекое будущее, каким будет мир через 50 лет. Какими будут люди, какими окажутся технологии и как все будут счастливы. И знаете, мы так радовались, что в грядущем мы это увидим, а теперь? В космос то, знаю, полетели, но того самого будущего нет.

– Ох парень...как ты ошибаешься! – говорю я, готовясь убеждать моего нового знакомого. – Смотри внимательно.

Я видел, как удивился Глен, когда мое тело взлетело над комнатой и стремительно прошло сквозь потолок, не меньше удивление он испытал, когда я вернулся обратно и показал, как без рук, я открыл крышку старого пианино, дернул струну контрабаса и начал выжимать из них мелодию.

– Я же...это же...вот...тут...гм...крх...что... – Глен пытался как-то прокомментировать эту ситуацию, но вместо этого, он испытывал удивление и страх, эти чувства преобразовали его речь в непонятный лепет.

– Да... – положив руку на плечо, сказал я.

От испуга, Глен не мог даже шевелиться, он стоял на одном месте как пальма, что вот уже сорок лет растет в школьном саду. И не выдержав собственного страха, он вскочил и бросился прочь из помещения настолько быстро, что забыл свою сумку. Догонять я его не стал, на моей памяти проследование людей со стороны потусторонних существ в книгах приводит лишь к тому, что они, либо получают сердечный приступ, либо падают в обморок, иногда же все это происходит вместе. Так в нашем случае подходит мой план – буду приходить к нему на уроки, в людном месте и не исчезать. И буду надеяться, он меня четко видит и я никуда не исчезаю.

– Черт...неудобно получилось, единственный раз удалось поговорить с человеком, а он чуть не умер от страха... – думаю про себя я, разглядывая содержимое его сумки.

В его сумки обычные школьные предметы приобретали вид ящика с инструментами художника, того самого, что валяется за контрабасом с конца 70-ых, с пришедшими в негодность красками и сломанными и оборванными кисточками. Принадлежности Глена были, правда, заметно новее, но общую картину это не меняло.

– Ух ты...на ловца и зверь бежит! Тут и правда есть чемоданчик художника! Только... он...кокой-то маленький и пластиковый. Ничего интересного, все на пластик заменили. – ворчу тихо, чувствуя себя стариком Брауном, разглядывая вещи моего нового друга.

Погрузившись в такое времяпрепровождение, я не заметил как наступила ночь, парень за своими сумками так и не вернулся. И понять его можно. Эх... Терпеть не могу это притупление чувство времени, с ним не замечу, как на месте школы вырастит огромный Винсенский Манхэттен, а озеро превратят в большой аквапарк, потому что время слишком быстро идет. В будущем моим друзьям бы понравилось, помню, когда-то Джозеф свои ноты списывал с учебников, или в магазине под копирку. Теперь в школе стоит машина для быстрого создания копий, вот Джо бы это понравилось. Правда он не сказал, зачем ему ноты, он же их не читал, по аккордам играл, вероятно для антуража.

Следующая неделя прошла слишком весело для меня, и слишком пугающе для моего нового собеседника. Я появлялся, он пытался меня отпугнуть, сбежать, что-то сказать, какие-то дедовские использовать. В общем, использовал все имеющиеся у подростков знания для мнимого изгнания призраков.

В первый день я получил угрозу второй смерти от смеха. Потому что, кроме веселья я никаких эмоций не получал. Глен сидел на уроке, внезапно в кабинет сквозь стену вхожу с вопросом – ну что, на перемене поговорим?

Его реакция тут же меня рассмешила, он вздрогнул и уронил свою тетрадь с парты, отшвырнув ее в сторону Палмера.

– Проклятье! Ну почему вы все именно так и реагируете? Я что такой страшный? Или дробовиком угрожаю?! – с сарказмом, задаю громко вопрос я.

Глен ничего не отвечает, только сидит с опущенными в стол глазами, тихо бормоча себе – это все мне кажется, я не вижу его, его там нет...

– Между прочим, не вежливо так говорить в присутствии человека! – иронично с улыбкой говорю я. – Даже мертвого...

Парень старается не реагировать на меня, продолжая писать тему урока в тетрадке. Как я не старался превратиться в павлина, он упорно пытался выкинуть меня и поля зрения.

– Ну нет... так просто ты от меня избавиться не сможешь! – говорю я, сидя на корточках перед партой Глена.

– Глен? Ты какой–то бледный?! Ты не заболел!? А то Кергис на прошлой недели также выглядел... – спрашивает Палмер, глядя на испуганного Глена.

– А–а? А, нет... я в порядке... Так, задумался.

Все время напролет Глен не переставал искать способы как от меня избавиться. Он игнорировал, бросал в мою сторону какие–то молитвы или заклинания, которые вычитал в книге. Дошло до того, что он стал носить с собой крест и вести себя как заправский церковный экзорцист. Как, например он повел себя в среду, когда он притащил с собой огромный деревянный крест и стал размахивать им когда я появился, крича на весь коридор – во имя отца и сына!

– Слушай парень, кроме тебя, меня никто больше не видит! Хватит играть в священника, пока тебя в больницу не отправили! – говорю со своим скептицизмом ему я, параллельно, закатывая глаза. – Друг, ты бы перестал это делать! Я не демон, меня крестом не изгнать! Я вообще баптист!

– Молчи демон! Я изгоняю тебя! Вон! Во имя Христа! – Глен продолжил истерично повторять одно и то же.

Мне это просто уже надоело, и я отвесил ему огромную пощечину, от которой он грохнулся на пол. Разумеется, крест я запихнул подальше в его рюкзак. Я не зверь, чтобы так его подставлять, тем более, его крики могли мертвого разбудить, пусть думают, что он упал. Вдобавок, не стоит накидывать вундерхулигану, как я его за внешний вид прозвал, Уильяму поводов для шуточек и издевок.

Вот пятница, за несколько дней перед моим днем рождения, достигла апогея нелепости по отношению к потусторонним людям. Да и что это за определение, потусторонние? Я еще, к сожалению, на этой стороне, меня просто не видит никто вот и все! Хотя, это более интересно звучит чем банальное «призрак», который меня заклеямили еще в первые дни моего скромного наказания.

Стоп, мы отошли с вами от основной темы. Вечером, когда уроки уже закончились, я смело надеялся, что в школе, кроме уборщика никого нет уже. Может быть персонал школы еще, но они уже расходятся. Я как всегда возвращаюсь в коморку, чтобы продолжить бессмысленное хождения из угла в угол. Но тут меня послышались какие–то шорохи.

– Нет! Наверное, показалось, уборщик в столовой шумит. – прогнав эти мысли из своей головы, я подошел к двери.

И тут, перед распахнувшим дверь мною, встав на стул, начал кричать на меня Глен, размахивая цветным пластмассовым игрушечным пистолетом. Передо мной возник из неоткуда этот недоэкзорцист, увешанный крестами и с листком бумаги в руках. Вероятно там была какая–то молитва или очередное заклинание.

– Это что такое!?! – в недоумении спросил я.

– Призрак! Уйди, быстро! Уходи прочь...! – крикнул в мою сторону Глен, угрожая мне своей игрушкой.

Из пистолета на меня тонкой струйкой стала брызгать вода. От возмущения, я своей силой выхватил пистолет и схватил его, чтобы разглядеть, как следует.

– Какого дьявола!? Погоди... (пауза) святая вода! Да за кого ты меня принимаешь! – с возмущением стал говорить я. – Я порядочный призрак! Может быть и по идиотской глупости, оказавшийся здесь, но не позволю меня стереотипами... обливать!

В ярости, я направил весь поток энергии на Глена, высвобождая из себя все, что я копил в себе последние лет пять. Обезоружив своего мнимого противника, я бросил все его прикормы в сторону старого контрабаса и максимально близко приблизился к нему, сосредотачивая на нем весь свой яростный взгляд.

– Что с тобой, приведение увидел? – иронично спросил я.

Парень упал в обморок. Пришлось быстро приводить его в чувство, к счастью сунув свою руку сквозь его голову, я получил нужный эффект – Глен очнулся. Не знаю, что за процессы в мозге затрагивает моя рука, но это дает положительный результат. Один раз я такой трюк провернул с уборщицей.

– Ну что же ты так... Не хватало еще, чтобы ты своей головой пианино портил, я и так только семь лет назад понял, что могу его настраивать! – тихо, максимально иронизируя, говорю я.

– Уйди... изыди... прочь! Это невозможно! – крикнул Глен, забившись в угол.

– Фе... опять тот же сингл... невозможно! Ты только что скачал со своей водной игрушкой и пытался меня прогнать! И кто это из нас еще спятил, а? Хотя у меня были моменты, когда я целый класс сжег на эмоциях, но это хотя бы выглядело злоеци!

– Чего!?! Ты еще диалог со мной ведешь! Демон!!!

– Черт возьми... только не говори, что первый раз слышишь, как я с тобой говорю! Зачем ты тогда свой Мулен руж со святой водой делал!

Мальчик долго сидел в своем углу и кричал, пытаюсь меня прогнать. Оно понятно, в его глазах я видел ужас. Не каждый день видишь давно умершего человека, и я бы тоже испугался. Заикание можно заработать, или сердечный приступ, а то и вовсе – с ума сойти. Хотя, будь я в такой же ситуации, так бы я и подумал – сошел с ума, болен.

– Ай ладно тебе... знаешь как я тут долго сижу! Ты и понятие не имеешь что такое страх! Как тебя колотит, когда ты понимаешь, что тебя никто и никогда не услышит. А вреда я тебе не нанесу – сказал вслух, я.

Глен снова повернулся в мою сторону и потихонечку перестал трястись, мне кажется, он меня слушает. Затем его страх тал оставляя его, в дело вступает любопытство.

– Ч-т-о т-е-б-е н-надо? – с легким дрожанием зубов спрашивает бедный Глен.

– Твоя душа... – в шутку сказал, используя свой грозный взгляд.

Юноша побледнел еще больше, чем был до этого. Он стал напоминать белый пол в душевой футбольной команды, который уборщик натирает до блеска. А в глазах я заметил явное желание схватиться за свой крест.

– Расслабься! Я шучу! – с улыбкой сказал я.

– И как... т... ебя... зовут? – с частичным облегчением спрашивает Глен.

– Дэвид Хейли, как Билл Хейли, думаю, знаешь. – отвечают я.

– А... как кто?

– Ну Билл Хейли... знаешь, типо, Рок круглые сутки... еху... нет?

– ...нет...

Взгляд Глена сменился со страха на любопытство и непонимание, он стоял с открытым ртом и не знал что ответит.

– Ты не знаешь, кто такой Билл Хейли – с явным упреком спрашивал я.

– Нет.

– Ну хоть... кто такой Элвис ты знаешь?

– Элвиса Пресли все знают. – разводя руками говорит он.

– Да уж, проехали. В общем, меня Дэвид зовут. Дэйв, Хейли, мистер Хейли, гитарист...как угодно, на любой вкус.

– Ого...до сих пор поверить не могу...

Мой взор повернулся в сторону окна и с грустными глазами стал смотреть на небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.